Мой призрачный рай

Автор:
Надежда Волгина

Мой призрачный рай

Надежда Волгина

Вечная любовь

Спокойная жизнь Людмилы нарушена свалившимся на голову таинственным наследством от неизвестного родственника. Да не просто наследство, а дом на далеком острове Лампедуза. Не веря в реальность происходящего и под давлением подруги-авантюристки, Людмила отправляется в Италию. Вместе с домом она получает тайну, разгадать которую, кажется, невозможно. Оказывается, на ее наследство многие претендуют. Не так она представляла себе поездку, не думала, что станет объектом охоты, сексуальных домогательств и откровенного хамства. Не пожалеет ли она, что поддалась на уговоры и погналась за легкой наживой?

Надежда Волгина

Мой призрачный рай

Глава 1. Письмо

Вот и долгожданный отпуск! Целый год «трубишь» от звонка до звонка, чтобы двадцать восемь календарных дней ни о чем, даже близком к работе, не думать. Отдыхать, отсыпаться, заниматься ничего неделаньем… Так нет же! Я в первый день отпуска умудрилась проснуться в три часа ночи, проваляться до четырех и

отправиться встречать рассвет. Правда далеко я не ушла – расположилась в летнем кафе, рядом с домом, наблюдала за редкими прохожими и слушала перебранку дворников в соседнем дворе. А всему виной безрадостные мысли. Почему-то именно сегодня я решила, что живу скучно. Работа-дом-работа… Ничего интересного не происходит. Что же получается – я не могу назвать себя счастливой?

А есть ли оно, счастье? Может, его нужно заслужить? Получить, как выстраданную награду? Вот живешь ты, как положено, совершая только добрые поступки, помогая людям, слушая совесть, и потом, как ценный приз за все твои заслуги перед жизнью, получаешь счастье. Не поздновато ли? Кому нужно счастье на закате праведной жизни?

– Принести вам чего-нибудь?

Подошел молоденький официант, явно недовольный моим ранним визитом. Скорее всего, заканчивается его смена. Он спит и видит, как отправится домой. А тут непонятная посетительница, страдающая приступами бессонницы.

– Кофе, пожалуйста, и мороженого. Пломбир без наполнителя, если можно.

Где-то слышала, что мороженое помогает от депрессии. Не то что бы была близка к этому состоянию, но собственное настроение мне не нравилось, лишало равновесия. Не так представляла начало отпуска.

Я планировала отправиться к морю, в Одессу. Там живет тетка – мамина сестра. Но куда я поеду без денег? Рассчитывала на отпускные, которые мне не потрудились выплатить, сославшись на финансовые трудности.

– Тебе какая разница, Савельева? – с видом всезнайки поинтересовалась главный бухгалтер – Нина Александровна. – Получишь после отпуска. Сохраннее будет. Ну, нет сейчас, понимаешь?

А почему я должна это понимать? Не такие уж великие деньги, и те не могут выплатить вовремя.

Мороженое таяло в креманке, я лениво помешивала его ложечкой, пока оно не начало стекать, как сливки. Обожала доводить пломбир до такого состояния, а потом быстро съедать его.

Хочу на юг. Палящее солнце, обжигающий песок и ласковое море! Мечта, которая совсем недавно казалась реальной, а сейчас призрачно маячила на горизонте. Ну что делать целый месяц в душном и пыльном городе? Чем занять свободное время, которого оказалось в избытке?

– Чего-нибудь еще желаете?

Официант оказался другой. Значит, тот первый дождался-таки окончания смены и отправился домой. Этот настроен не так враждебно, хоть и тоже выглядит сонным. Студенты, наверное. Устроились, поди, на лето, подработать.

– Вы счастливы? – неожиданно для себя, спросила я у официанта.

Если он и удивился, то виду не подал. Подумал, наверное, что с придурью клиентов нужно мириться, как с неотъемлемой частью работы.

– Счастлив, – широко улыбнулся он.

– А я нет.

Вот тут он растерялся и явно не знал, что можно на такое ответить.

– Спасибо, ничего больше не нужно, – поспешила добавить. – Принесите, пожалуйста, счет.

И почему я решила, что несчастлива? Мама, папа живы, хоть и переехали в другой город, когда я заканчивала институт и вступала в пору самостоятельной жизни. Они позаботились о своей кровинушке – продали трехкомнатную квартиру в центре города и купили однокомнатную в старом районе. Тут даже был плюс – такие районы я любила больше за обжитость и уют. Например, дом, в котором я живу сейчас, находится на тенистой улице, густо засаженной деревьями. С годами они превратились в исполинов, и лишь редкие лучики солнца пробиваются сквозь их густую листву. В моей квартире солнца совсем не

бывает, разве что на подоконниках с утра. Но мне нравится.

Младшая сестра какое-то время жила со мной, пока не закончила школу, а потом уехала в тот же город, что и родители, поступать в институт. Сейчас она уже отучилась, выскочила замуж и родила двух девочек-погодок. Так что родители счастливы, у них есть внуки.

У меня и брат есть, как в нормальных многодетных семьях. И ничего, что он старше меня на десять лет, живет на севере, и видимся мы с ним раз в три года. Есть же. Хотя у брата уже давно своя жизнь и трое детей. Но это тоже одна из составляющих обычного человеческого счастья.

К слову о родственниках, у меня их целая куча и разбросаны они по всей необъятной родине. Правда, к бабушке, что живет в станице под Краснодаром, последний раз ездила лет двенадцать или тринадцать назад, еще с родителями. Все времени нет или денег, или и того и другого. Стыдно, елки-палки, и бабушка обижается. Родители меня не раз звали к себе поближе, но что-то не пускает. Корнями я, что ли, вросла в этот провинциальный городок? Или просто нравится мне тут жить? Все родное, знакомое с детства. Опять же, друзей полно, работа приличная, практически творческая. Менеджер по рекламе с редакции газеты «Пресс-неделя». Почти художник – тоже требует таланта, чтобы привлечь как можно больше клиентов. А в незнакомом городе, что я стану делать? В тридцать лет поздно заводить друзей. Они либо с детства идут с тобой через всю жизнь, либо со студенчества и до старости.

Мороженое я съела, кофе выпила… Дольше сидеть в кафе показалось неудобным. Решила прогуляться в любимый парк. Время приближалось к одиннадцати. Солнце уже палило во всю, но в тени деревьев жарко не было. Я смотрела на лебедей и уток, плавающих в пруду, и завидовала. Вот кому ни забот, ни хлопот, главное, чтобы кормили вовремя.

Раз поехать никуда не могу, может, затеять ремонт? Только не это! Я представила себе разруху в квартире. И это на весь отпуск?! Увольте. Ремонт подождет до лучших времен. К тому же на него тоже нужны средства.

Может, занять денег и все-таки поехать к тетке? И есть, у кого, только не люблю я этого. Получается, что и отпуск проходит как бы в долг.

– Теть, дай пять рублей на хлебушек.

Рядом со мной остановился подросток, одетый вполне прилично. Голос ломается и взгляд такой наглый.

– А на кроссовки и костюм адидассовские ты тоже по пять рублей собирал с прохожих? – спросила я, окинув его оценивающим взглядом.

– Да пошла ты… – Таких слов в свой адрес еще не слышала. Я даже не сразу поняла, кем он меня назвал, да и потом еще долго сомневалась в своей правоте. В одном уверена, что слово не являлось синонимом «хорошей тети».

Ну, вот! Не выспалась, устала, проголодалась, к тому же еще и обхамили. Замечательное начало заслуженного отпуска.

С этим я и отправилась домой, чтобы завалиться спать и ни о чем не думать. Попытка поднять себе настроение закончилась провалом.

В почтовом ящике с погнутой дверцей, словно кто-то все время пытался достать мою корреспонденцию, лежало письмо. Ни слова по-русски на конверте не было. Одно я поняла, что письмо адресовано мне – латинские буквы я знала хорошо, и адрес со своей фамилией прочитать смогла.

Наверное, только я в жару обожаю есть борщ. Налила себе полную глиняшку, как я называю глубокие тарелки из обожженной глины, щедро добавила перца. Ела, вытирая пот со лба, и наслаждалась. Еще и сухарей подсыпала все время и съедала, пока они не набухали целиком, сохраняя жесткую сердцевину.

Наелась от пуза. Забросила посуду в раковину и отправилась спать. О том, что буду делать ночью, старалась не думать. Не младенец же, не должна перепутать день с ночью.

Разбудила меня режущая слух трель. Стоило взглянуть на будильник, как дверной звонок показался манной небесной. Время приближалось к шести, проспала я полдня.

– Как поживают тунеядцы? – заголосила с порога Олеся, подруга с детства и сослуживица в одном лице, и тут же прищурилась: – Эээ, да ты еще хуже, чем я думала. Дрыхнешь, что ли?

В ответ смогла только промычать – ни глаза, ни рот слушаться не хотели. Я вернулась в комнату и уселась на диван, не заботясь, проходит или нет гостья. Такие, как она, не пропадут нигде, тем более не заблудятся в знакомой квартире. Гораздо важнее сейчас привести себя в нормальное состояние, заставить мозг проснуться окончательно.

– Так, так… Вот, значит, как ты решила провести отпуск? Обжираться и дрыхнуть? Хочешь превратиться в толстую корову?

Олеся с деловым видом прогуливалась по квартире и совала любопытный нос во все дыры. Даже на кухню умудрилась заглянуть и провести мини экспертизу на предмет, что я обедала.

– Опять борщом объедаешься? Да еще летом…

Она остановилась напротив меня, вся такая фигуристая, с блондинистыми локонами, голубыми глазами и курносым носом. Чем-то она напоминала мне Мерилин Монро. Не столько внешностью, сколько повадками: виляниеем бедрами, жеманными улыбками. Хотя, внешне она тоже явно пыталась подражать великой актрисе.

– Ты меня воспитывать, что ли, пришла? Хотя, молодец, что пришла. А то я бы до ночи проспала.

– То-то же, скажи спасибо.

Олесе надоело бродить туда-сюда, и она с королевской грацией опустилась в кресло, правда, тут же расслабилась и откинулась на спинку, вытянув ноги.

– Устала, жуть. Есть хочу, тоже жуть. А еще, как бешеная собака.

– Что случилось-то? – поинтересовалась я.

Честно говоря, интереса не было. Олеся все время с кем-нибудь ссорилась на работе, кроме меня, пожалуй. Ее сварливый характер мало кто мог вытерпеть, как и желание нравиться всем мужчинам без исключения. С женской половиной нашего большого коллектива отношения у нее точно не складывались. Наверное, со мной она ладила только потому, что я до такой же степени не интересовалась мужчинами, как она интересовалась.

– Да, грымза наша придиралась весь день, – махнула она рукой, не собираясь развивать эту тему. Грымзой она называла начальницу. По правде говоря, в этом вопросе я была с ней солидарна, да и не только я. Таких вредных теток еще поискать. – Лучше объясни, почему так тухло выглядишь?

– Настроения нет.

Как еще можно ответить? Рассказать ей, что внезапно поняла, как несчастлива? Заранее предвижу реакцию Олеси: или начнет высмеивать, или воспитывать. А мне это надо?

– Вымой голову.

– Зачем? – Я потрогала волосы. В отличие от Олеси, я их не завивала, а выпрямляла и красила в ярко-рыжий цвет. Кто-то умный сказал, что так веснушки менее заметны. А меня последними природа щедро одарила, не поскупилась. – Вчера, вроде, мыла.

– От депрессии помогает, говорят…

Олеся отвечала машинально. Она уже обнаружила конверт, который я достала из почтового ящика, бросила на стол, не распечатывая, и благополучно забыла.

– Люсь, а что это, а? – спросила Олеся, повернувшись в мою сторону и подняв вверх конверт.

– Не знаю. Какое-то письмо, – пожала я плечами.

– И тебе не интересно? – Она вытаращила и без того огромные глаза, жирно подведенные черным карандашом.

– Да, просто, я забыла про него. И там все не по-русски…

– Люсь, оно из Италии, – не слушая меня, продолжала Олеся. Голос ее зазвучал благоговейно.

Так случалось всегда, когда речь заходила об Италии. Это тайная страсть Олеси, о которой знала только я. Пять лет назад она отдыхала в Римини, именно тогда и влюбилась в Италию. Бредила ею настолько, что записалась на курсы итальянского языка. Три года училась и сейчас говорила на нем свободно. Чтобы не потерять навыки, посещала дискуссионный клуб по выходным. Каждый год собиралась поехать туда, но все время что-нибудь мешало. В прошлом году Олеся настояла, чтобы я тоже сделала себе загранпаспорт. Только, воспользоваться им мне пока так и не посчастливилось.

– Можно, я его открою? – чересчур вежливо поинтересовалась Олеся.

– Конечно!

Она аккуратно оторвала тоненькую полоску от конверта. Немного помедлила, прежде чем достать содержимое. Смешно наблюдать за ней. Она на самом деле верит, что держит в руках кусочек Италии.

Олеся достала сложенные бумаги. Странно, но я даже не испытывала любопытства, что в них. Все еще ощущала сонливость. Вредно спать на закате. Из стопки выпало что-то, похожее на фотографию. Олеся наклонилась, подняла, внимательно рассмотрела карточку и отложила. Потом развернула письмо и принялась читать.

Тут уже и я почувствовала интерес. Переместилась с дивана в соседнее кресло и взяла фотографию со стола. Какой-то дом. Рядом пальмы. Так себе, ничего особенного.

– Едрит твою налево! – Олеся всегда так выражалась, если находилась на эмоциональном пике, в те моменты, когда мат неуместен. – Ты знаешь, что это? – Она кивнула на фото.

– Представления не имею.

– Это твой дом.

– В каком смысле?

Что-то сообразительность подводила меня основательно. Как ни старалась, ничего понять не могла.

– Этот дом принадлежит тебе по завещанию, оставленному… Сейчас гляну. – Она уткнулась в письмо. – Михаилом Савельевым. Родственник твой?

– Без понятия.

– Люсь, тут написано, – она потрясла перед моим лицом письмом, – что тебе следует приехать в Лампедузу и вступить в права владениями наследством.

– В лампе… что?

– Лампедуза, темнота. Это остров такой в Средиземном море, южнее Сицилии…

Олеся превратилась в сгусток мыслей – сидела, сосредоточенно глядя в одну точку, и тарабанила по столу пальцами. Она всегда так делала, когда что-то сильно заинтересовывало ее. Жаль, только, такие моменты приходилось наблюдать не часто. Заинтересовать ее – дело сложное, обычно она все уже знала, ничему не удивлялась и, как следствие, ни во что не вникала. Она даже сама о себе говорила: «Удивить меня сложнее, чем укусить себя за локоть».

Я воспользовалась минутной передышкой и тоже задумалась. Скорее всего, письмо по ошибке адресовано мне. Правда, на конверте мой адрес и фамилия, но это тоже может быть ошибкой. Мало ли Савельевых? Фамилия достаточно распространенная. В письме речь идет о наследстве, значит… А что это значит? А то, что мне следует отнести его в соответствующие органы, чтобы оно вовремя нашло адресата…

– Так! Решено! Мы едем туда! – прервала мои размышления Олеся.

– Куда?

– В Лампедузу.

– Олесь, это ошибка, я уверена. – Старалась говорить спокойно, чтобы смысл сказанного дошел до подруги. – Я не знаю никакого Михаила. У меня нет родственников за границей. Письмо попало ко мне по ошибке.

– Ну, естественно! Почему-то я не удивляюсь, когда слышу такое от тебя, – ухмыльнулась Олеся. – Конечно, ошибка. С тобой же каждый день происходят такие недоразумения, все время приходят письма с сообщениями о наследстве.

– Олесь, не ерничай. Я же серьезно. Я теперь думаю, куда податься, чтобы письмо нашло хозяина… Слушай! – внезапно осенило меня. – А, может, кто пошутил так неостроумно?

– Да? Тогда, этот шутник живет именно в Лампедузе. Вот, тут и адрес конторы есть и штамп тоже ихний.

Ну и что! Есть же компьютерные программы специальные. Можно любой штамп сделать, даже такой. Правда, кому нужно так шутить? И смысл шутки? Глупость какая-то.

Начинал раздражать стук пальцев Олеси по столу. Сама ситуация выводила из себя. Не люблю не понимать чего-то до такой степени.

– Олесь, перестань уже! О чем ты так сосредоточенно думаешь?

– Я думаю, где нам взять деньги на поездку. В отличие от некоторых, я понимаю, что придется очень постараться. – Она посмотрела на меня, как на досадную помеху плавному течению ее мыслей.

– Да, какие деньги?! Сначала нужно все выяснить.

– Ага, – кивнула она, вставая с кресла. – Выясняй. Флаг тебе, как говорится… А я уже придумала. Деньги можно занять у Славика. Он – мужик богатенький, да и бывшим одноклассницам не откажет.

В школьные годы, мы здорово дружили с ним и сидели на соседних партах. Есть такие парни, что легче сходятся с девчонками, чем с мальчишками. Вот Славик именно такой. Мы даже называли его подружкой. После окончания школы он сделал стремительную карьеру и сейчас занимал должность заместителя министра по образованию и жил в Москве. У меня отношения с ним оборвались, а Олеся продолжала общение, и меня ругала, что теряю связь с нужными людьми.

– Кстати, он и с визой поможет. Должны же у него быть там связи.

– Олесь, ну какая виза? Еще же ничего не ясно. Давай завтра сходим к нотариусу, все выясним?

– Вот и сходи. – Она уже обувалась в коридоре. – Мне некогда заниматься ерундой. А ты выясняй, узнавай, добывай доказательства…

– А как же работа? – ухватилась я за соломинку. Стремительность подруги по-настоящему пугала. – Это же я в отпуске. А ты-то работаешь.

– Да, плевать я на нее хотела! Возьму за свой счет, хоть от грымзы отдохну. И ты правильно сказала, мы работаем, значит, времени у нас в обрез. Отпуск – он не резиновый. Нужно все быстро провернуть. Все, я ушла.

Я осталась одна и какое-то время стояла в коридоре, не зная, что делать дальше. Потом вернулась в комнату и взяла письмо, как будто надеялась в нем найти ответы. Я даже развернула листок, вложенный в конверт. Это оказался стандартный бланк, заполненный довольно корявым почерком. Естественно, ни слова я не поняла. Как ни старалась, даже название «Лампедуза» не смогла отыскать. Как Олеся тут разобралась, что к чему?

Отложила письмо и взяла фотографию. Снимок плохого качества и цвета тусклые. Ни дом, ни окрестности толком не разглядишь. Странно, но, глядя на изображение дома, я испытывала уютное чувство. Меня словно что-то манило туда. Средиземное море… Это же так здорово! Я на Черном-то была всего несколько раз, а самостоятельно ездила всего однажды – три года назад, к тетке, в Одессу. Вот, хотела поехать еще раз, и то не получилось.

Наваждение какое-то. В душе рождалось раздражение. Мне хотелось верить в сказку, но я понимала, что такое вряд ли возможно. В итоге пострадал снимок –

полетел на стол, как бесполезный источник моего раздражения.

Но с этим нужно что-то делать. Завтра следует сходить к нотариусу, убедиться в подлинности письма, а потом… Что потом?

Да, чего это я? Можно же позвонить родителям, попытаться уже сегодня что-нибудь выяснить про таинственного родственника.

– Мам, привет!

– Людочка, ты? У тебя все в порядке?

Почему-то мама считала, что если я звоню им, значит у меня не все в порядке. Все родители, интересно, такие? Как будто я не могу позвонить просто, потому что соскучилась. Наверное, сама виновата, редко звоню.

– Все нормально, мам, – поспешила успокоить. – С сегодняшнего дня я в отпуске.

– Да? А к нам приедешь? Мы ужасно соскучились.

Я поняла, что тоже соскучилась. Родителей не видела с новогодних каникул, когда мы все собирались у них – отпраздновать Новый год. Даже брат прилетал с севера с семьей, чтобы не нарушать традицию.

– Постараюсь, мам. Правда, я тут ремонт затеяла…

Врушка! Вариант поехать в отпуск к родителям я даже не рассматривала. Сама не знаю, почему. Только сейчас такая мысль посетила. А ведь знаю, что папа чувствует себя неважно – сердце прихватывает, да и мама не становится моложе. Эгоистка чертова!

– Мам, как у вас дела? Как папа?

– Да, у нас все хорошо. Папа чувствует себя сносно. Пролечился маленько, прокапали его. Сейчас более-менее. Ты-то сама не болеешь?

– У меня тоже все хорошо. Мам?..

– Дочь, а зачем тебе этот ремонт-то? Лучше бы съездила куда, отдохнула, – перебила меня мама. Я уже собралась задать ей главный вопрос. – Приезжай к нам, Катюшка рада будет. На Волгу походите.

Катюшка – это моя сестра. Она живет в одном городе с родителями. После окончания института так и осталась там.

– Мам, я постараюсь, правда. Пока ничего конкретного сказать не могу. – Господи! Как же стыдно отделываться общими фразами. И почему я такая трусливая? Что стоит сказать матери правду? Хотя, какую правду? Что хотела отправиться на море и так расстроилась от невозможности это сделать, что решила не ехать никуда, а зачахнуть дома? Мама вряд ли поймет правильно, только расстроится. Тем более что мне и самой внезапно захотелось к ним. – Я хотела спросить тебя кое о чем…

– Ну, спрашивай, чего же ты?.. Что-то мне твой голос не нравится. У тебя точно все в порядке?

– Да, мам, все хорошо. Тут такое дело… Ты не помнишь, вернее не знаешь, есть ли у нас такой родственник – Михаил Савельев?

Я замерла в ожидании ответа. Только сейчас поняла, сколько от него зависит.

– Михаил Савельев?.. Что-то не припомню. Сейчас у папы спрошу… Толик!..

Я слышала, как мама спрашивает у папы. Потом повисла пауза. Что говорил папа, я не слышала.

– Где? – переспросила мама не у меня. – Да ты что?! А давно?

Разговор затягивался. Мама явно выясняла подробности у отца. Я уже устала держать трубку возле уха и вслушиваться в односторонний диалог на расстоянии.

– Дочь, – наконец-то, она обратилась ко мне. – Тут такая история… Папа сам толком ничего не знает. Говорит, что, вроде, так звали родного брата его отца. Только он его не видел ни разу. Тот уехал, еще когда молодым был, до войны. Там какая-то еще история нехорошая с его отъездом связана, папа говорит. Вроде, украл он что-то из семьи и вывез заграницу. Только папа об этом ничего не знает. Говорит только, что родственники с ним перестали общаться после этого.

– А куда уехал, не знает?

– Откуда? Нет, конечно. Но ты можешь позвонить бабушке. Она, наверняка, больше нашего знает. А зачем тебе все это понадобилось?

– Да… – Что сказать-то? Лихорадочно соображала. Говорить про письмо не хотелось. Сама еще толком ничего не выяснила. Если это тот самый родственник, то причем тут я? Все равно, оставались одни вопросы, на которые не было ответа. – Просто, я в журнале прочитала про богатого дядьку с нашей фамилией, в Австралии. Вот и подумала, вдруг родственник.

Ну, приехали! Завралась совсем. Да еще и так неправдоподобно! Не удивлюсь, если мама подумает, что у дочери не все в порядке с головой. Про письмо упорно не хотелось рассказывать. Я как будто боялась, что это известие может огорчить родителей.

– Ну, ты даешь! – засмеялась мама. – Миллионов захотелось на дармовщинку? Вроде, взрослая уже… Да Савельевых знаешь сколько? Тьма тьмущая.

– Ну, не все же миллионеры, – пыталась я все перевести в шутку. – Ладно, мам, не морочь себе голову. Это все мои дурацкие фантазии.

– Да, конечно, – согласилась она. – Кроме того, тот Михаил вряд ли еще жив. Хоть папа и говорит, что он был младше его отца и уехал совсем молодым, но, все равно, представь, сколько ему сейчас может быть лет.

Мы еще немного поболтали, и я попрощалась с мамой, пообещав постараться приехать, пока буду в отпуске. Напоследок мама посоветовала позвонить бабушке, матери отца, что жила под Краснодаром и которую я видела последний раз так давно. Оставалась надежда, что бабушка знает больше. Позвонить

решила завтра. Нужно еще придумать, что говорить в свое оправдание, почему не приезжаю в гости.

Итак, что мы имеем? Михаил Савельев, действительно, числится среди моих родственников. Он, на самом деле, уехал за границу. Еще мы знаем, что история эта темная, и совершил он что-то непорядочное перед отъездом. А еще удалось выяснить, что умер он в довольно-таки преклонном возрасте, хоть и неизвестно, в каком точно. Вот, пожалуй, и все. Негусто, но факты налицо. Я начинала верить, что письмо адресовано мне. Правда, и вопросов оставалось немало. Почему именно мне, когда есть еще куча родственников? А главное, каким образом попасть в ту самую Лампедузу? Что-то подсказывало, что только там я смогу получить ответы на вопросы.

Глава 2. Деловые хлопоты

Вечером, когда я уже собиралась спать, позвонила Олеся.

– Ну и, Пинкертон, рассказывай, что удалось раскопать? – начала она без предисловий и пожелания доброго вечера или ночи.

– Да, особо-то ничего…

Я добросовестно пересказала разговор с мамой, стараясь ничего не упустить.

– Так! А что сказала бабушка? – продолжала допрос Олеся.

– Так я ей еще не звонила. Завтра собираюсь.

– А почему не через неделю? – издевательски поинтересовалась она. – Ты, хоть, понимаешь, что время не на нашей стороне?!

Кому, как не мне, понимать это? Именно об этом и размышляла весь день, благо дел никаких не запланировала.

– Ладно, – продолжила Олеся, когда поняла, что оправдываться я не собираюсь. – Не будем пугать старушку на ночь глядя. Позвонишь ей завтра с утра. Вернее, позвоним. Я приду с анкетой для визы. Быстренько заполнишь ее, потом сходим сфоткаемся… В общем, все завтра. Если тебе интересно, то насчет денег я договорилась. Пока, – немного обиженно закончила Олеся и отключилась.

Ну, не виновата же я, что не пышу энтузиазмом, подобно Олесе? Не верю я в деньги, падающие с небес. Не бывает такого. Скорее всего, там развалюха, а не дом, который продать будет проблематично. Это я еще не спросила у Олеси, как мы будем долг Славику отдавать? Пока, даже интересоваться не хочу, сколько она у него заняла.

Стараясь не ругать себя за излишний скептицизм, я отправилась спать, справедливо рассудив, что утро вечера мудренее.

Мне снилось море. Оно штормило, а я стояла так близко, что того и гляди накроет волной. Я даже ощущала брызги, пропитывающие одежду. Там кто-то плавал, и я очень волновалась, что он может утонуть. Уверенность, что это мужчина, не покидала. Голова то появлялась на поверхности, то снова исчезала под волной. Он из последних сил боролся со стихией, и помочь было некому – кроме меня на берегу ни души. С радостью бы помогла, но во сне я не умела плавать. Я словно приросла к месту, стояла и наблюдала, чувствуя, как силы окончательно оставляют тонущего. Ужасное состояние, когда разрываешься между невозможностью что-то сделать и желанием помочь во что бы то ни стало. Когда я уже готова была броситься в бушующее море, отчетливо различила призыв Олеси. Обернулась, она стояла на каменном утесе и звала меня, размахивая руками и показывая куда-то себе за спину…

Проснулась я в холодном поту от пронзительного звонка в дверь. Вроде сон не страшный, но я испугалась. Находясь во власти непонятного страха, пошла открывать дверь, даже не сомневаясь, кого принесло с утра пораньше.

– Я уже кучу дел переделала, а она все спит, – недовольно изрекла Олеся, отодвигая меня плечом и проникая в тесный коридор. – Ты для этого взяла отпуск, чтобы проспать его?

– Так рано же еще… – попыталась я защититься.

– Полшестого – это рано, в половине десятого… – Она оборвала себя на полуслове и повернулась ко мне лицом. Выглядела при этом воинственно. Голубые глаза метали молнии. – Удивляюсь тебе! Такая инертность! Словно речь идет не о наследстве и увлекательном путешествии, а о походе на рынок. Люсь, прекращай, а? Ты на меня тоску нагоняешь и сбиваешь запал.

Она не шутила, я видела это по ее лицу. Наверное, на самом деле, стоит отнестись к наследству серьезнее, чтобы не рассориться с единственной близкой подругой. Кроме того, я не планировала спать так долго. Кто бы мог подумать, что, проспав полдня, я умудрюсь благополучно не страдать бессонницей ночью. Вчера, как легла, так и не просыпалась до самого утра.

– Все, Олесь, обещаю, что буду во всем тебя слушаться и гореть диким интересом, – серьезно произнесла я. Очень надеялась, что выгляжу убедительно. – Командуй, что нужно делать?

– Для начала, налей нам кофе. Тебе нужно проснуться, а мне срочно подкрепиться. Я с семи часов на ногах, есть хочу, умираю. – С видом полководца Олеся прошла в кухню и заняла почетное место между столом и холодильником. – Анкета подождет. – Она положила на стол файл с бумагами. – Свою я уже заполнила, еще вчера. До двух еще есть время.

– А что будет в два? – поинтересовалась я, чтобы хоть что-то спросить. Таким образом, я для нее, да и для себя, создавала видимость активного участия в событиях.

– Передам ее нужному человеку, который занимается нашими визами. Что же еще?!

Уточнять цепочку из нужных людей, которых она подключила к быстрому решению наших проблем, не хотелось. Вместо этого я занялась кофе и бутербродами, догадываясь, что если не накормлю подругу, она не подобреет.

– Что первое – заполнишь анкету или сфотографируемся? – спросила Олеся, сыто откинувшись на стуле и допивая остатки кофе. – Анкета! – сама же себе и ответила. – Нет! Давай-ка дуй, умывайся и штукатурься. Я передумала. Сначала смотаемся в ателье, сделаем срочное фото твоей физиономии. Я там останусь, дождусь фотографий, а ты вернешься, заполнишь анкету и позвонишь бабуле.

Как раз к двум все успеем.

Делать нечего, пришлось в срочном порядке заняться собственной внешностью. Хорошо хоть голову мыть не нужно, потерпит, не на банкет собираюсь.

Я приглаживала щеткой непослушные волосы, когда в комнату заглянула Олеся.

– В хвост собери, – скомандовала она.

– Зачем?

– Чтобы уши открыть?

– Чего?

– Того! Они там что-то определяют по форме ушей.

– Кто, они? – Я запуталась. Никак не могла понять, о чем она сейчас мне говорит.

– Кто-кто… Те, кто решают, выдавать тебе шенгенскую визу или нет. Говорят, они что-то определяют по ушам, черты характера.

Дурдом какой-то! Теперь еще и уши мои понадобились. Придется собрать волосы в хвост, да еще так, чтобы открыть уши. Дело в том, что я носила прямой пробор и гордилась тем фактом, что отношусь к редкому числу женщин, которым он идет. Но с пробором невозможно зачесать волосы, оставив уши открытыми, станешь похожа на чебурашку. Пришлось переложить на косой пробор.

– Ух ты! Как стильненько получилось! – восхитилась Олеся, придирчиво осматривая меня в зеркале. – Тебе сейчас большие очки и станешь вылитой итальянкой. А еще парэо и пляжную сумку на плечо… Блин, как на море хочется! Пора заканчивать бумажную волокиту и отправляться уже. Иначе, сойду с ума от нетерпения.

На все про все у меня ушло полчаса. Фотоателье, вернее Паша-фотограф с цифровым фотоаппаратом и минимум аппаратуры для печатанья фотографий располагался в соседнем подъезде моего дома. Сделав несколько снимков, они с Олесей выбрали самый удачный и отправили меня домой заниматься делами. Дольше приводила себя в порядок, чем фотографировалась.

В первую очередь я позвонила бабушке. Стыдно было, что вспомнила о ней, только когда понадобилась информация о таинственном родственнике, но деваться некуда. Впрочем, бабушка и этому обрадовалась. Долго выспрашивала, как я живу, почему не приезжаю. Пришлось отделываться ничего не значащими фразами и обещаниями приехать в ближайшем будущем.

О Михаиле Савельеве бабушка рассказала немногим больше, чем мама. Да, действительно, это родной брат моего дедушки. Оказывается, их было не двое братьев, как я всегда считала, а трое. Михаил уехал из России во время Отечественной войны, прихватив сокровища отца, которые тот собирал всю жизнь. Что толкнуло его так поступить, никто из родственников не знает. В ту пору ему едва исполнилось восемнадцать. С тех пор его перестали считать членом семьи, даже не вспоминали, а если и делали это, то между собой не разговаривали.

На вопрос, много ли он с собой увез драгоценностей, бабушка ответить не смогла. Это ее мужу, брату Михаила, не было известно. Он даже не знал о существовании сокровищ, пока брат не исчез. Отец их тоже так и не раскололся, умер вскоре после бегства сына, унеся тайну в могилу.

Интересную вещь я узнала от бабушки, что род Савельевых, оказывается, аристократический, и когда-то считался очень зажиточным. Раньше мне об этом никто не рассказывал, не считали нужным, видно. А может, сама виновата, что никогда не интересовалась своими корнями.

Бабушка, естественно, поинтересовалась, зачем мне все это? Не смогла соврать, ответила честно про виллу и наследство. В свою очередь спросила, откуда Михаил мог знать про меня, почему именно мне решил все оставить? На этот вопрос бабушка не ответила, и такое впечатление сложилось, что сделала это намеренно. Словом, после разговора с ней толком информацией я по-прежнему не располагала, а вот впечатление, что бабушка что-то темнит, не покидало.

Все новости я по порядку изложила Олесе, когда она вернулась с моими фотографиями. К тому моменту я, как примерная ученица, заполнила анкету и бездельничала, разглядывая фото виллы.

– Все ясно, что ничего не ясно, – подвела итог Олеся. – Ладно, будем разбираться на месте. В конце концов, о хозяине могут и стены рассказать.

Я себе почему-то представила говорящие стены и чуть не рассмеялась. Не питала иллюзий, что, прибыв, если еще получится, на место, мы узнаем о Михаиле больше. Скорее всего, загадок прибавится.

Оформление всех необходимых документов заняло два дня, в течение которых Олеся милостиво разрешила мне наслаждаться отпуском. Ничего умнее не придумала, как заняться генеральной уборкой дома, такой, чтобы из всех углов все выгрести сначала, а потом долго и нудно раскладывать по местам, создавая видимость порядка. Слабая попытка придать квартире ухоженный вид в отсутствие ремонта.

Зато, думать можно было сколько угодно, пока руки заняты физической работой. Чем больше я думала, тем больше затея с поездкой казалась мне авантюрой. Ну, куда я лезу? Зачем мне все это? Вряд ли наследство такое, ради которого стоит прилагать столько усилий.

Вечером второго дня, когда я уже смотреть не могла на свою «блестящую» квартиру и спины не чувствовала от усталости, позвонила бабушка.

– Людочка, ты не передумала ехать? – спросила она, едва поприветствовав.

– Да, вроде, нет.

– Вот, и ладненько. Я тебе там денежку отправила. Сходи, получи завтра утром.

– Бабуль, ну зачем? У меня есть деньги на поездку, – пришлось соврать ей. Деньгами у нас заведовала Олеся, и сколько она заняла, я представления не имела, да и вникать не хотела. Решила, что успею об этом подумать, когда вернемся обратно и встанет вопрос, как и с чего возвращать долг.

– Не спорь. Тебе деньги лишними не будут, а мне они уже ни к чему. Так что записывай код. – Она продиктовала код экспресс-перевода.

Я записала и адрес банка, а потом задала вопрос, который не давал мне покоя с момента последнего разговора:

– Бабуль, ты же мне не все рассказала, верно?

– С чего ты взяла? – спросила она, но даже сейчас в ее голосе слышались нотки колебаний.

– Почему-то мне так кажется.

– Вот что я тебе скажу, Людмила. – Подобное предисловие меня немного испугало. – Всего рассказать я тебе не могу, так уж случилось. Да, думаю, и не нужно это. Ты все узнаешь сама, когда приедешь туда. То, о чем не узнаешь, чего я тоже не знаю, догадаешься, уверена. Доверяй своему сердцу и следуй его подсказкам. Я буду молиться за тебя.

Еще хлеще! Короткой речью бабушка умудрилась внести в мою душу еще больше смятений и сомнений. Что прикажете обо всем этом думать? Я начинала испытывать безотчетный страх, который прибавился к неуверенности, усиливая чувство дискомфорта. Ехать хотелось все меньше.

О разговоре с бабушкой я не стала рассказывать Олесе, когда та явилась чуть позже с радостным известием, что визы готовы, а она купила билеты на поезд до Москвы на завтрашний вечер.

– Славик встретит нас на вокзале. Отдаст визы и паспорта. Потом отвезет в аэропорт. Самолет завтра вечером в восемь тридцать. Ну, не замечательно ли я все провернула? – порхала она по квартире, во власти радостных эмоций, которые я не могла разделить. – Он такой умничка! И визы сделал, и билеты забронировал на рейс до Лампедузы с посадкой в Риме. Ты чего какая хмурая? – наконец-то обратила она внимание на меня. – Завтра изменится ее жизнь, а она ходит, как грозовая туча на солнечном небосводе.

– Просто, устала…

– Интересно, от чего? От отдыха и сна? – съехидничала Олеся, доставая из конверта, который я намеренно оставила на видном месте, фотографию виллы и впиваясь в нее любовным взглядом. – Я мотаюсь, а она устала. Парадокс, едрит твою налево!

– Я тоже не бездельничала.

– Да? И чем же полезным ты занималась?

– Грязь выгребала столетнюю. Вещи перебирала, лишнее выбрасывала…

– Нашла, чем заниматься, – фыркнула Олеся. – Кстати, о вещах, – спохватилась она. Видно, ни о чем другом, кроме поездки, рассуждать она была не в состоянии. – Лишнего с собой не бери. Пару платьев и баста! Там жара и мы должны быть налегке. Ограничься одной сумкой.

Я не собиралась брать с собой много вещей. Стопку платьев и футболок со штанами я еще вчера приготовила, чтобы уложить в небольшую сумку-саквояж. Напротив, опасалась, что Олеся возьмет все свои вечерние наряды, и багажных мест у нас будет больше, чем по чемодану в руки. Тем более удивилась, услышав от нее такое предостережение. Как видно, она воспринимала поездку не как развлекательное мероприятие. Этим фактом я была приятно поражена.

– Бабуля выслала нам денег, – на радостях сообщила я.

– Супер! Значит, сможем ни в чем себе не отказывать, – хохотнула Олеся. – По правде говоря, придется нам подвязать пояса. Денег я заняла в обрез, – посерьезнела она. Приятно было осознавать, что она оказалась не такой легкомысленной, как я полагала сначала. – Но и впроголодь жить не будем! – снова улыбнулась она.

Наутро следующего дня я отправилась в банк и получила деньги. Размер суммы меня приятно удивил. Правда, потом я расстроилась от мысли, что бабушка, возможно, выслала мне все свои сбережения. Я поспешила позвонить ей и высказать переживания. Она строгим голосом велела не забивать голову ерундой, а заниматься делом. Уверила меня, что эти деньги ей без надобности,

что она оставила себе сумму на черный день и пенсии хватает, чтобы жить безбедно. В общем, я получила четкие инструкции ни в чем себе не отказывать и радоваться жизни.

Вечером мы с Олесей садились в поезд, следующий в Москву, она – полная радостных предчувствий и ожиданий, я – уверенная, что мы ищем приключения на свою голову и найдем обязательно, и они не покажутся нам приятными.

Не успели устроиться в купе, как Олеся достала две бутылки пива.

– Нужно обязательно выпить за начало нашего путешествия! – провозгласила она тост, откупорив мою бутылку, потом свою, и стукнув их друг об друга. – Чтобы наша поездка прошла замечательно.

– Кстати, – вспомнила я, с удовольствием отхлебнув прохладного пива в душном вагоне. – Как ты на работе-то все объяснила? – Странно, что я не догадалась поинтересоваться этим раньше. Вела себя, как эгоистка, полностью поглощенная своими проблемами и переживаниями.

– А никак. Я уволилась.

– Как?

Ничего себе новость! Зачем увольняться-то?

– А чего ты так распереживалась? – равнодушно поинтересовалась она. – Я и без этого подумывала увольняться. Манала я эту работу вместе с грымзой. Она у меня уже в печенках сидит. Вернусь, найду себе лучше. Кстати, тебе тоже советую подумать о смене места работы. Не загоняйся, я нам обоим найду такую работу!..

Она разглагольствовала, попивая пиво, а я удивлялась и восхищалась, как у нее все просто. Взяла и уволилась, потому что не нравится работа. Я бы решалась на такое с полгода, а потом бы еще долго думала, правильно ли поступила?

В Москве, на вокзале, нас встретил раздобревший со школьных времен и явно довольный жизнью Славик. Он с мигалкой домчал нас до аэропорта и извинился,

что не может провести с нами время до вылета. Для этого ему пришлось бы целый день торчать с нами в здании аэровокзала. Гулять по Москве мы не решились намеренно, чтобы не было соблазна потратить деньги.

– Пошли в бар, хрястнем по чуть-чуть, – предложила Олеся. – Все-таки в полете предстоит провести три с половиной и еще час. Что-то меня мандражирует немного.

Меня мандражировало не немного. Я панически боялась летать. Поэтому с радостью согласилась пропустить пару рюмок, а заодно и пообедать. Есть хотелось жутко, в поезд, кроме печенья и чая мы ничего другого взять не удосужились. Поэтому сейчас мой организм требовал мяса.

В уютном баре аэровокзала мы обосновались основательно, чтобы не слоняться без дела. Олеся заказала сразу двести граммов коньяка. По паре рюмок мы умудрились пропустить без закуски, пока ждали ее. Мне заметно похорошело. Под плотную закуску из свиной отбивной со сложным гарниром ушли остатки первых двухсот граммов. После этого заказывали еще два раза по двести. Или три?.. Точно я не запомнила. Что было дальше, я вообще помню местами. Хорошо, что Олесю перепить не мог даже самый крепкий мужик. От спиртного она становилась только более разговорчивой, но пьяной вдрызг я ее не видела никогда.

Нам удалось-таки достойно прошествовать в самолет, не вызывая подозрений у таможенников и пограничного контроля. Уже в салоне, удобно устроившись в кресле, я позволила себе уснуть, и проснулась только, когда приземлились в Риме. Из самолета не выпускали, пока заправляли топливом. У меня началось жуткое похмелье, и всю дорогу до Лампедузы я страдала головной болью и тошнотой. Страх отошел на второй план. А потом я и про похмелье забыла, или оно прошло незаметно.

Глава 3. Прибытие

Когда мы приземлились в аэропорту Лампедузы, еще сидя в самолете и ожидая, когда стюардесса пригласит на выход, я почувствовала, что жизнь моя резко изменится. Интуиция кричала во весь голос, а я никак не могла разобрать, о

хороших или плохих переменах она меня предупреждает. Олеся суетилась рядом, складывая в сумку книгу, газету, косметичку… все, что успела достать во время полета. Она даже не поленилась освежить макияж, когда самолет пошел на посадку, и меня ругала, что прибываю в новую страну, похожая на пугало огородное.

– Ты, хоть, расчешись, – шипела она, подкрашивая губы рубиновой помадой. – Чего народ-то отпугивать. На, вот, брызнись. – Она протянула мне флакон туалетной воды. – Боюсь, спиртным от нас будет таращить. Где-то у меня была жвачка. Ага, нашла. На, жуй, – протянула мне пластинку.

Я действовала, как послушный робот, и ничего не могла поделать с заторможенностью. Сунув в рот жвачку, достала расческу и пригладила волосы. В зеркало смотреть не хотелось, боялась заглянуть правде в глаза и увидеть отражение своих страхов.

Народ начал продвигаться к выходу. Олеся вскочила, намереваясь оказаться в числе первых. Я придержала ее за руку.

– Давай, подождем немного. Пусть все выйдут, – слабым голосом попросила.

– Ты чего это такая бледная? Трусишь? – она подозрительно всмотрелась в мое лицо.

– Что-то не по себе мне как-то, – попыталась отмазаться я.

– Люсь, ты ненормальная, да? Ты, хоть, осознаешь, что приехала сюда получать наследство?!

Осознавала ли я? Скорее нет, чем да. Теоретически знала, что двоюродный дед ни с того ни с сего, по одной ему понятной причине, решил оставить мне в наследство свою недвижимость. Вот только, не могла избавиться от ощущения, что все это дурной сон. Испытывала потребность проснуться и зажить, как раньше, спокойно, пусть и скучно.

– Ну-ка, вставай, давай! – Олеся схватила меня выше локтя и потянула вверх. – Не беси меня. Ведешь себя, как столетняя матрона или монахиня, не

покидавшая стен монастыря сто лет.

Салон самолета уже практически опустел. Если я не встану сама, то меня будут выдворять отсюда с полицией. А потом еще покажут в местных, а может и не только, новостях, что туристка из России до такой степени испугалась неизвестности, что решила провести отпуск в самолете. Фантазии рассмешили, и я тихонько захихикала.

– С ума сходишь, да? – повернулась недовольная Олеся. – Теперь смеешься в одно рыло? Скоро разговаривать сама с собой начнешь.

– Да, это я так… просто.

Ничего себе воздух! Я даже остановилась, выйдя на трап. Пахло влагой и солью, с примесью мазута и еще чего-то экзотического. Освежающий ветерок обдувал лицо, шевелил волосы, проникал под платье.

– Запах свободы! – восторженно воскликнула Олеся, схватила меня за руку и потащила за собой. – Чего застыла, пошли уже.

От самолета, до маленького и неказистого здания вокзала мы добирались пешком. Пассажиры тянулись гуськом по летному полю, щедро обдуваемые ветром с моря.

В одном небольшом зале вокзала находилось все сразу: и ожидающие вылета, и встречающие, и кассы… Тут же, за небольшой перегородкой, мы получили багаж, через пятнадцать минут, которые ушли на обозревание окрестностей. Я по-прежнему ощущала нереальность происходящего. Олесе приходилось повторять по два раза, прежде чем до меня доходил смысл сказанного.

С радостью оказалась опять на улице, когда получили багаж. Воздух мне нравился, даже казался вкусным, а вот окружающий пейзаж разочаровал сразу. Растрескавшийся асфальт с пробивающейся высушенной зеленью, гигантские кактусы, карликовые лысоватые деревья кое-где и солнце, палящее, выжигающее все на своем пути. Никаких тебе таксистов, суетящихся и заманивающих туристов. Даже автобусной остановки рядом я не заметила.

Олеся не собиралась унывать.

– Так, достаем головные уборы! – скомандовала она. – Иначе, пока доберемся до места, превратимся в обгорелые головешки. Я сейчас…

Она достала из сумки письмо и сунула его под нос первому попавшемуся мужчине, везшему пустую грузовую тележку, предположительно работнику аэропорта. Показав ему обратный адрес и задав несколько вопросов, получила нужное направление. Мужчина просто указал рукой, в какую сторону нам следует двигаться дальше.

– Тут недалеко, слава богу, – вернулась она, отдуваясь и обмахиваясь письмом. – Он сказал, что пешком доберемся быстрее, чем ждать, когда будет следующий автобус. Не повезло нам, только ушел…

Недалеко – понятие растяжимое. Если в комфортных условиях и налегке, то да. Хоть у нас из багажа и было всего по одной сумке, но, к тому моменту, как добрались до нужного дома, петляя и все время уточняя направление у прохожих, мы стали похожи на вареных раков.

Одноэтажное небольшое строение, на котором числился нужный нам адрес, больше смахивало на жилой дом, нежели на нотариальную контору, чем, по сути, и являлось. Веранда с плетеными креслами, какие-то вещи, развешанные на натянутой между деревянными подпорками веревке. В одном из кресел сидел мужчина, курил и что-то потягивал из запотевшего бокала.

Олеся, на всякий случай, решила уточнить еще и у него, по адресу ли мы пришли? Он активно закивал головой и что-то затараторил, показывая на дверь. За дверью оказался тесный и темный коридор, и которого вели четыре двери, по две с каждой стороны.

– Нам сюда. – Олеся толкнула первую дверь слева.

Комната, в которой мы оказались, не сильно отличалась от коридора размерами. Единственно, была чуть более освещена, благодаря давно не мытому небольшому окну, худо-бедно пропускающему солнечные лучи. За заваленным бумагами столом сидел дедок в очках, дымил сигарой и читал газету. Воздух до такой степени был пропитан табачным дымом, что даже глаза начали слезиться.

Странно, что он курил и даже не удосужился открыть окно.

Дедок продолжал читать газету, не обращая на нас внимания, пока Олесе не надоело это, и она громко не кашлянула. Только тогда он соизволил поднять на нас глаза и посмотреть поверх очков.

Олеся бодро прошла к столу, уселась на стул и велела мне занять второй, пустовавший рядом. Она положила перед дедком письмо и превратилась в слух. Нотариус не спеша достал из конверта бумаги, прочитал их, кивнул и отложил в сторону. Затем коротко что-то спросил у Олеси. Она указала на меня и что-то ответила.

Не очень приятно наблюдать оживленную беседу, не понимая ни слова. Интересно, что бы я делала, если бы со мной не было Олеси, отлично владеющей итальянским? Хотя, в таком случае, я бы вообще вряд ли тут находилась. Скорее всего, так и не рискнула бы отправиться в путешествие. В лучшем случае, делами бы занялось какое-нибудь доверенное лицо или еще кто-нибудь. Такое, наверное, тоже практикуется? Ну, не все же могут бросить дела, найти необходимую сумму и рвануть за наследством. Я бы оказалась из их числа. Честно говоря, я с трудом представляла порядок своих действий после получения письма, не будь рядом Олеси.

Размышления на тему «если бы да кабы» прервала Олеся, подсунув мне какие-то бумаги.

– Подписывай! – велела она и стала показывать, где мне нужно оставлять свой автограф. – Объясню все потом, – прервала она готовый сорваться с моих губ вопрос. – Не переживай, тут все чисто.

В этот момент я восхищалась ее сноровкой и деловыми качествами. Что она потеряла в редакции какой-то газетенки? Это явно не ее призвание. Ей бы работать в суде или в налоговой инспекции, или еще где. С ее-то способностью вести дела! И образование она явно не то получила. Экономический факультет политеха… Из нее получился бы отличный юрист.

Дедок встал из-за стола, продемонстрировав нам довольно крепкую фигуру. Не такой он и старый, как показался сначала. Достал из шкафа связку ключей и направился к выходу.

– Пошли! – Олеся надела свою самбреру, и я последовала ее примеру, нацепив на голову бейсболку. Ее я приобрела специально в поездку, решив, что такой головной убор больше подходит моему спортивному типу одежды. Для путешествия я выбрала трикотажное платье выше колена. В нем удобно, и, главное, оно не мнется. Правда жарковато немного, я чувствовала, как местами оно стало мокрым. Зато, ногам было комфортно в открытых сандалиях на плоской подошве. Как Олеся передвигается на шпильках по колдобинам и впадинам неровного тротуара, по которому мы спешили за семенящим впереди дедком, я старалась не думать. У них тут все пешком ходят что ли? Да нет, вроде и машины есть. Я огляделась по сторонам и специально зафиксировала тот факт, что есть проезжая часть, по которой периодически проезжают машины, сигналя пешеходам.

Я чувствовала, как постепенно выдыхаюсь, особенно когда дорога превратилась в узкую тропинку и повела в гору, оставляя жилую часть города за спиной.

– Долго нам еще идти? – поинтересовалась я у Олеси.

– Заметь, я тоже тут впервые, – повернулась ко мне красная она.

Только тут я сообразила, что на своих каблуках устала она гораздо сильнее меня. Да и сумка у нее была потяжелее. Ответить я не успела, она обратилась к провожатому.

– Скоро придем, – опять повернулась ко мне Олеся, выслушав ответ дедка. – Дом на отшибе, возле самого моря. Купаться можно будет каждый день, – с воодушевлением закончила она.

Мне эта новость тоже придала сил. Сейчас бы окунуться в освежающую водичку и на время забыть обо всем, смыть с себя усталость путешествия.

Наконец, тропинка вывела нас на небольшое плато между двумя утесами. Плато было покрыто каменистой почвой. Пробираться к нему нам пришлось через заросли колючек. Пока Олеся доставала колючки из моих волос, а я из ее, нам было не до осмотра местности. А посмотреть было на что, как я поняла чуть позже.

Пока я снимала колючки с платья, Олеся разговаривала с провожатым. Я даже не прислушивалась, злясь на себя, что поперлась на этот остров, на судьбу, что покинула мне это испытание, короче, на все на свете. Я проклинала всех и вся, когда поняла, что Олеся обращается ко мне:

– Это плато принадлежало твоему деду, а теперь тебе, – сказала она. Выглядела при этом торжественно.

Вот тут я остолбенела от охватившего меня чувства восторга. Площадка, не больше трехсот квадратных метров, закрытая с двух сторон скалами, сзади зарослями колючек, открывала взору бескрайнее синее море. На ней самой, как и везде почти ничего не росло, кроме отдельных вкраплений пожухлой травы. Но факт отсутствия сочной зелени не делал картину менее волшебной. Мне казалось, что я попала в далекое прошлое, не тронутое цивилизацией.

К левой скале пристроен одноэтажный дом, частично скрытый забором. Но мне пока было не до него. Хотелось ближе посмотреть на море, тем более что дедок уже стоял на краю плато и активно жестикулировал, призывая нас. Подойдя ближе, я заметила уходящую вниз, достаточно крутую тропинку с редким кустарником по бокам и каменистый пятачок внизу, перед морем. С пятачка вел деревянный пирс, к которому была привязана моторная лодка. Дедок что-то говорил, а Олеся переводила:

– Пляж тоже теперь твой, а раньше находился в частной собственности твоего деда. Лодка – тоже. Тропинка только выглядит крутой. На самом деле спускаться по ней легко, он сам пробовал. Правда, подниматься тяжеловато. – В этом месте дедок рассмеялся.

Мне было все равно, легко или тяжело спускаться. Я вдруг осознала, что раз пляж мой, то и кусочек моря я тоже могу считать своим. Невозможно передать словами, что я испытала в тот момент, но чувство это было похоже на эйфорию с примесью гордости.

– Я у него спросила, все ли пляжи тут такие, с огромными булыжниками, – говорила между тем Олеся. – Он говорит, что если идти на юг, но дойдем до песчаных пляжей. Мне как-то это больше улыбается. Тут даже прилечь позагорать негде…

А мне нравится. И лежать совсем не обязательно. Зато можно посидеть на камне и помечтать, глядя на ровную морскую гладь. Определенно, я начала влюбляться в этот дикий и негостеприимный уголок природы.

– Он заверяет, что мы с тобой запросто справимся с моторкой, стоит только один раз посмотреть, – щебетала Олеся, которую я слушала в пол уха, думая о своем. – Оказывается, у них тут почти у всех есть моторные лодки. Представляешь?

– Ага, – машинально кивнула я.

– Что, ага?! Опять размечталась и унеслась в заоблачные дали? Пошли уже в дом, я еле держусь на ногах. – Она что-то сказала нотариусу, и тот, достав из кармана ключи, направился к калитке.

Несмотря на палящее солнце и то, что платье промокло от пота, мне не хотелось уходить. Казалось, я могу вечность стоять и смотреть на море, пока не сгорю дотла. Но Олеся права, пора прятаться в дом, по времени как раз разгар сиесты. Если мне себя не жалко, то уж дедка точно нужно поберечь, он нам еще пригодится.

Подойдя ближе к забору, я поняла, почему толком невозможно рассмотреть дом? Он прятался за густой растительностью, не характерной для этой местности. Вдоль забора росли пальмы и какие-то кустарники с листьями, больше похожими на длинные шипы. По бокам высились два одинаковых дерева с крупными толстыми листьями, блестевшими на солнце, словно их каждое утро протирают от пыли и чем-то пропитывают для блеска. Удивительно! Как я сразу не обратила на это внимание?

Нотариус, меж тем, открыл калитку и пропустил нас вперед. Мы ступили на поверхность, выложенную отполированным камнем. Это как булыжниковая мостовая, только абсолютно гладкая и чистая, ни единой соринки кругом. Слева и справа от дома располагался приусадебный участок. А прямо перед домом из камней была выложена круглая клумба с растущим в ней карликовым деревом.

– Красотень какая! – восторженно пропела Олеся и прислушалась к тому, что говорит ей нотариус. – Он сказал, что твой дед все здесь построил своими руками: и дом, и сад… Представляешь, все?! – Она потрясенно смотрела на меня.

Да я и сама потеряла дар речи. Даже не понимала, как отношусь ко всей этой красоте?

Дом начинался просторной верандой, без ступенек или какого другого пьедестала. Каменная площадка просто уходила под навес. Я так и не поняла, из чего он был сделан, но по виду напоминал черепичный. Как и веранда, навес шел вдоль всего периметра дома, кроме задней стены, что вплотную примыкала к скале. А, может, стены и не было, возможно ею служила скала. Навес поддерживали колонны из камня, квадратные в сечении, а одной стороной он упирался в дом, выступающий над ним правильным прямоугольником и заканчивающийся плоской крышей с резным ограждением.

– На крыше солярий, – перевела Олеся слова нотариуса, когда тот проследил за моим взглядом. – Там можно загорать! – Она впадала во все большей восторг, забыв, что еще недавно умирала от усталости.

Почему-то у меня возникали ассоциации с японскими жилищами, глядя на дом. Возможно, такое впечатление складывалось именно из-за своеобразной формы, которую представляли навес и крыша, если рассматривать их вместе.

– Этот камень очень долговечен, – сказал дедок, указывая пальцем вниз. – Весь материал, – он развел руки в стороны, давая понять, что имеет в виду не только дом, – экологически чистый, ни чем не пахнет. Дом не боится солнца и хорошо моется.

На веранде непривычно прохладно, она тонет в полумраке. Кроме стола с четырьмя стульями и двух подвесных плетеных кресел, крепящихся к навесу, больше ничего из мебели. Стены дома выкрашены в красный цвет, а понизу идет каменный купон, как и вдоль дверь и окон. Вкупе все смотрится гармонично, у деда явно имелся отменный вкус и мастерство.

Что особенно удивило, так то, что наружную стену дома, с той стороны от двери, где не было окна, увешивали небольшие картины в одинаковых рамках. Я подошла ближе и поняла, что это репродукции, причем не самые лучшие. Интересный выбор.

– Твой дед, наверное, не очень разбирался в живописи, – проследила за моим взглядом Олеся.

Не считая просторной кухни и санузла, в доме имелось всего три комнаты – гостиная и две спальни. В одной спальне стояла огромная кровать, занимая почти все пространство. Другая спальня была примерно такого же размера, только кроватей там имелось две – полуторноспальных. Интересно, зачем деду понадобилось столько кроватей, если он жил один?

В гостиной стоял овальный стол с массивными ножками, четыре стула под старину и небольшой диванчик. Другой мебели не заметила, зато имелось несколько напольных ваз и множество картин на стенах. Полы везде выполнены из каменной плитки и тоже способствовали приятной прохладе.

Нотариус попрощался и ушел. Олеся упала на диван, окончательно потеряв способность двигаться и соображать. Я чувствовала примерно то же, только продолжала стоять посреди гостиной. Тут я заметила старинный комод в углу комнаты, который не увидела раньше. На комоде стояла фотография в позолоченной рамке. Каково же было мое удивление, когда я подошла ближе и узнала на фотографии себя!

Глава 4. Неожиданные открытия

Я взяла в руки собственный портрет. Надо же, какой тяжеленный! Рамка выглядела помпезно, выполненная под золото, а стекло казалось очень толстым. Это же сколько мне тут лет? Я пыталась вспомнить, когда фотографировалась? Вроде, тогда я как раз заканчивала школу. Получается, что на снимке мне лет восемнадцать?

– Олесь, – позвала я.

– Ну что еще? – Подруга нехотя поднялась с дивана и босиком доковыляла до меня. Туфли она сняла сразу же, как зашла в дом.

– Как ты это объяснишь? – спросила я, протягивая ей портрет.

– Люська, это же ты!

– Вот именно!

– Получается, дед тебя видел?

– Вряд ли… – размышляла я. – Но, он точно знал обо мне. Только откуда, ума не приложу.

Я взяла у Олеси фотографию и вернула ее на место. Почему-то стало страшно, что та может выронить ее и разбить. В тот момент я подумала, раз дед так хотел, чтобы фотография тут стояла, значит, так тому и быть. По крайней мере, пока.

– Разберемся, – уверенно произнесла подруга и вернулась на диван. – Ноги гудят, стоять не могу. Чур, моя комната с большой кроватью, – предупредила она, – я уже отнесла туда сумку.

Когда только успела? Моя сумка до сих пор стояла на полу, посреди гостиной.

– Я так есть хочу, что ни о чем больше думать не могу, – пожаловалась Олеся. – Но, даже двинуться сил нет, чтобы куда-то пойти или что-то сделать.

– Не думаю, что в доме есть что-то съестное. – Я подошла ближе и тоже опустилась на диван. – Не хочешь мне все рассказать? – спросила я, откинувшись на спинку дивана, чувствуя, как мышцы расслабляются.

– Да больно-то рассказывать нечего, – сонным голосом пролепетала Олеся. Меня тоже клонило в сон, сказывалось длительное путешествие и усталость. – Твой дед составил официальное завещание, по которому все, чем он владел, переходит к тебе. Все необходимые документы ты подписала. Там все чисто, я проверила. Кроме дома, у него есть кое-какие сбережения. Правда, основная их часть ушла на уплату налога на наследство. Завтра можно будет сходить в банк и узнать, сколько осталось? Там еще какая-то сумма освобождается от налогообложения, но я не очень поняла. Думаю, в банке нам объяснять все популярно. Она каким-то образом зависит от степени родства. Я в этом не разбираюсь. Да, – встрепенулась Олеся, – чуть не забыла… Дет тебе еще оставил рыболовецкий корабль, представляешь?

– Интересно. – Сон, как рукой сняло. – И что я с ним буду делать?

– А вот это самое интересное. – Олеся тоже резко проснулась и забралась с ногами на диван, устраиваясь поудобнее. – В завещании есть одно условие, что ты наследуешь все только в том случае, если соглашаешься, чтобы корабль продолжал работать.

– Рыбу ловить что ли? И что с ней делать?

– Можно сказать, что твой дед был меценатом или филантропом, обзывай, как хочешь. Весь улов он за гроши продавал беженцам, которых тут видимо невидимо. Нотариус сокрушался, что их тут больше, чем коренных жителей. Все они прибывают из Африки за лучшей жизнью. Местные жители их не любят, особенно летом, когда разгар курортного сезона. Они только летом и зарабатывают более или менее. Зимой тут все ловят рыбу. Тем и живут. Из-за наплыва беженцев, поток туристов резко снизился. Бедные местные жители, их остров заклеймили черной меткой, пусть и на время. Разрулят же власти когда-нибудь все это… Из-за беженцев в этом году очень мало туристов…

Какое-то время Олеся размышляла на тему заработка местных жителей, которому мешают беженцы. Я задумалась и поняла, что мне жаль этих бедных людей. Не будут же они просто так бежать из родных мест? Значит, им там совсем несладко живется? А получается, что и тут они никому не нужны – ни правительству, ни местным жителям. Скорее всего, большинство из них, после продолжительных мытарств, депортируются обратно. А дед молодец, раз хоть как-то пытался облегчить их существование. Только ума не приложу, как я со всем этим буду справляться?

– … В общем, корабль должен продолжать работать в нужном режиме, – прислушалась я опять к словам Олеси. – Не думаю, что это будет сложно устроить. Можно завтра встретиться с капитаном и обо всем поговорить.

– А где он? Корабль?

Мне почему-то представлялся парусник, как в «Алых парусах». И почему я его не видела, когда любовалась морем?

– В порту, где же еще? Каждый день, кроме выходных, они в восемь утра отправляются в море за уловом. Наверное, завтра лучше встать пораньше, чтобы успеть до отплытия. Или можно наведаться на корабль вечером. Решим потом.

Олеся прилегла на подлокотник и закрыла глаза, широко улыбаясь.

– Люсь, ты только подумай, мы в Италии! Представляешь? Отсюда до Сицилии рукой подать. Да мы с тобой куда угодно можем съездить! Даже в Венецию! Обалдеть… Могла ли ты мечтать о таком?

Для меня все происходящее в настоящий момент продолжало казаться сном. Вроде я и понимала, что нахожусь далеко от дома, но не осознавала, что это происходит на самом деле. Как-то все слишком нереально: дед, про которого я ничего не знала, наследство, свалившееся на голову и оглушившее, как раскат грома. Наверное, нужно время, чтобы все осознать.

Я посмотрела на Олесю. Она сладко посапывала, свернувшись в углу дивана. Улыбалась каким-то своим мыслям, перетекающим во сны. Решила последовать ее примеру, устроилась на другом подлокотнике.

Мне снилось, как я купаюсь в море. Оно было таким же, как в моем прошлом сне, штормящем. Но в этот раз я не боялась, ныряла в волны с бесшабашностью юной пловчихи. Ждала, когда вспенится огромный барашек, и бросалась под него. Хотела ощутить, как толща воды накрывает, погружая на короткий промежуток времени на глубину, но тут же оказывалась на поверхности. Раз за разом кидалась под волны, но продолжала всплывать, как поплавок.

А потом я увидела его. Он, как и в первый раз, боролся со стихией на глубине. И в этот раз я отчетливо поняла, что он тонет. Поплыла в его сторону. Гребла размашисто, прилагая максимум усилий, но не двигалась с места, волны постоянно откидывали меня назад, в сторону берега. Его голова все реже показывалась на поверхности. Нужно что-то предпринять, иначе он утонет. И вот я взлетаю над волной и перепрыгиваю ее. Как дельфин, совершаю пируэты в воздухе, кувыркаюсь в прыжке.

Я уже почти доплыла, как проснулась… И опять меня разбудила Олеся, только в этот раз ее не было в моем сне.

– Люська, подъем! Ты дрыхнешь полтора часа. Если я сейчас не поем, то растерзаю тебя, как голодная хищница.

Как будто не она первая решила поспать? Реальные события мгновенно восстановились в памяти. Даже на время мне не показалось, что нахожусь в родном городе, в своей квартире. Каким-то непостижимым образом дом деда стал для меня родным, словно я жила уже тут сто лет.

– Пойдем, что покажу, – позвала Олеся. – Я уже тут произвела разведку боем.

Мы вышли во двор. Олеся сразу нырнула за угол дома, приглашая меня следовать за ней. Пройдя через живую изгородь, я остановилась пораженная. В тени деревьев, насаженных вдоль забора, приютились два шезлонга с небольшим столиком между ними. Вдоль дома тянулся ряд каменных клумб, наподобие центральной, только поменьше. В каждой их них росли экзотические деревья на кривых стволах с толстыми листьями.

– С другой стороны дома так же, прикинь? Только без лежаков, – восторженно откомментировала Олеся. – Мне кажется, твой дед специально готовил тут все к твоему приезду. Даже лежака два! Он как будто знал, что ты приедешь не одна.

Удивительная гармония! Куда не глянь, все ласкает взгляд.

– Сколько лет ему было примерно? – размышляла я. – За восемьдесят?

– Восемьдесят три, – кивнула Олеся. – Нотариус сказал, – ответила она на мой изумленный взгляд. – Но, говорит, мужик он был крепкий, никто не давал ему больше шестидесяти.

– А от чего же он умер?

– А я и не спросила. Не догадалась, – ответила Олеся. – Поинтересуемся в следующий раз.

Странно… Я была уверена, что дед был старый и дряхлый. Нужно будет покопаться в его вещах. Может, найду какие-нибудь фотографии. Интересно, каким был человек, что жил здесь? Почему он не женился? Может, какой

физический изъян помешал этому? Хотя, теперь я в этом сомневалась.

– Пошли куда-нибудь, поедим, а? – Олеся скорчила недовольную гримасу и схватилась за живот. – У меня уже внутренности ломит от голода.

Кто же против? Я и сама испытывала волнообразные приступы. Наверное, если бы сейчас запахло чем-то типа котлет, я бы просто умерла от вожделения.

Через полчаса мы выходили из дома, экипированные для пляжного отдыха. Я обмоталась красной в белые крупные цветы парэо, голову спрятала под широкополую белую шляпу, а глаза – за огромными солнечными очками. Олеся выглядела примерно так же, только ярче и экстравагантнее. Ее парэо блестело золотом и едва прикрывало плавки купальника. Я уже стала переживать за бедных представителей мужского пола на этом острове. Смогут ли они вынести подобное великолепие в лице моей подруги, если даже я залюбовалась ее фигурой и формами? Я ей не завидовала, хоть и не могла похвастаться тем же. Свою фигуру считала мальчишеской – слишком худая, высоковатая для женщины и с формами, явно уступающими Олесиным. В пору юности мама называла меня кипарисом. Она говорила: «Ты у меня такая стройная, что любой рядом с тобой чувствует себя сутулым. Вылитый кипарис! И такая же неприступная». Странно, когда тебя сравнивают с деревом. С годами я нарастила немного мяса, но, все равно, считала себя чересчур худой. К тому же еще рыжей и веснушчатой. Сейчас свои огненные волосы я спрятала под шляпу, предварительно собрав в пучок.

Как велел полководец в лице Олеси, мы без труда преодолели тропинку к морю и решили двигаться вдоль его кромки на юг, туда, где предположительно находились песчаные пляжи.

– Если там есть пляж, значит рядом обязательно должен быть бар, – рассуждала логически Олеся. – Должны же люди где-то есть.

А я вот заглянула в Интернет перед отъездом. Информации о Лампедузе толком не нашла, но прочитала отзыв одной путешественницы. Так вот она предупреждала, что баров и ресторанов тут не так уж и много. Еду, желательно, брать с собой, отправляясь на пляж. Но разубеждать Олесю не стала, рассудив, что из дома нам все равно брать нечего.

Несмотря на то, что время близилось к вечеру, солнце палило нещадно. За полчаса, что мы провели в пути, я успела взмокнуть и дышала с трудом. Если бы не приступы голода, я бы плюнула на поиски пляжа и бара и рванула бы в море, которое приятно охлаждало ноги. Я буквально предчувствовала блаженство, которое испытаю, когда смогу окунуться в него целиком.

Слава Богу, Олеся оказалась права. Первым, что мы увидели, оказался небольшой бар с пятью столиками под тряпичным навесом. До пляжа мы еще даже не добрались.

– Ура! Мы спасены! – рванула Олеся к небольшому строению из камня.

В то время как Олеся кокетничала с симпатичным барменом, который пришел от нее в полный восторг, я изучала меню. Цены баснословные! Я, конечно, понимаю, что в курортный сезон они стремятся заработать как можно больше. Но не до такой же степени! Мы себе точно не можем позволить каждый день питаться в баре. Разве что раза два в неделю. Нужно прикупить продуктов и готовить самим.

– Ты видела, какой хорошенький? – прошептала Олеся, кивая в спину бармена, который наливал нам пива, отдав заказ на кухню. – Серхио зовут. Нужно будет почаще сюда захаживать.

Я промолчала. Кроме того, ответить мне было нечего, я даже не рассмотрела лица бармена. Фигура сзади и правда выглядела ничего. Он явно демонстрировал нам свои мышцы, которые бугрились в вырезах борцовки. Потом появилась возможность рассмотреть и лицо, когда он повернулся, вручая нам по бокалу холодного пива. Вылитый итальянец, с черными кудрями, искрящимися смехом глазами и ямочками на щеках, когда он широко улыбался, обнажая два ряда белоснежных зубов. И правда, очень симпатичный и, кажется, дружелюбный.

– Как думаешь, не замутить мне с ним романчик? – спросила Олеся, когда мы расположились за столиком и принялись потягивать пиво в ожидании заказа.

– Мне кажется он немного моложе тебя.

– И что? В мамы-то я ему все равно не гожусь.

Я так прикинула, бармену от силы года двадцать четыре. Не такая уж и большая разница с тридцатилетней Олесей. Она как раз сейчас находится в свободном полете, уже два месяца, как рассталась с парнем. Почему бы и нет? Все ж не будет так скучно.

Когда парнишка принес нам заказ, Олеся еще немного с ним пообщалась, одаривая самыми лучезарными улыбками из собственного арсенала. Он явно попал под ее очарование и не скрывал этого, беззастенчиво разглядывая ее фигуру, ныряя взглядом в запах парэо на груди, который больше показывал, чем скрывал.

– Завтра он научит нас пользоваться моторной лодкой. Не хочу больше ходить пешком, – мечтательно произнесла Олеся. – Ради такого случая я готова встать в шесть утра.

– А чего так рано-то?

– Потому что так рано он придет учить меня, – плотоядно улыбнулась она.

Кормили тут вкусно, что частично компенсировало неприятное впечатление от цен. Я заказала рыбный коктейль. Его подали на дымящейся сковородке. Не заметила, как сковородка опустела, с таким аппетитом уплетала. Мы выпили еще по одному бокалу пива, прежде чем покинуть бар. Олеся скрылась внутри, чтобы расплатиться по счету. Вернулась раскрасневшаяся и еще более довольная.

– Серхио сказал, что чуть дальше есть отличный песчаный пляж. Правда, он предупредил, что это частные владения, но хозяин на острове практически не бывает. И сейчас его как раз нет. Так что, нам никто не помешает искупаться, – просветила меня она.

Никогда не видела такого белого песка. Он серебрился в лучах заходящего солнца и манил растянуться на нем и поблаженствовать. Но море притягивало сильнее. Хотелось смыть дневную усталость, пополнить запас энергии.

– Мы тут совершенно одни, прикинь? – восхитилась Олеся. – Это теперь будет наш собственный пляж.

Я не стала разочаровывать ее, что не собираюсь таскаться в такую даль впредь, что меня вполне устраивает наш каменистый.

– А давай голышом! Помнишь, как мы играли в русалок? – предложила Олеся.

Когда нам был лет по тринадцать, мы с моими родителями ездили на море. Турбаза находилась рядом с железнодорожным полотном. Море – в тридцати метрах от домика. Только пляжи были переполнены народом. А если перейти через железную дорогу, то с другой стороны находился лиман, всегда пустынный. Вот туда мы с Олесей и бегали купаться. И там мы каждый день представляли себя русалками, купаясь голышом. А иногда мечтали, что с вертолета нас увидит принц, обалдеет от нашей неземной красоты и заберет в свое королевство. Сейчас об этом смешно вспоминать, а тогда фантазии нас переполняли. Куда только все девается с годами?

– Ты идешь? – Олеся уже полностью разделась и входила в воду.

Я все еще размышляла, скидывая парэо. Может, и правда, вспомнить детство? Ведь совершенно пустынно. Кого стесняться? А, была-не-была. Я быстро скинула купальник и присоединилась к подруге.

Море приняло меня, как родное, ласково окутывая водами, приглашая насладиться ощущениями. Олеся заплыла вперед, и мне пришлось догонять ее. Надо же, какая прозрачная вода! Даже на глубине, когда мы решили остановиться и отдохнуть, проглядывалось дно. А заплыли мы достаточно глубоко.

– Смотри, сколько рыбы! Они нас совершенно не бояться! – восхищалась Олеся, всматриваясь в воду, работая руками и ногами.

Рыба тут, и правда, отличалась бесстрашием, плавала, касаясь нас скользким тельцем и совершенно не испытывая неудобства.

– Это потому, что мы с тобой тоже рыбы, – рассмеялась я. – Русалки же…

Мы плавали, пока мышцы не начало ломить от усталости. Периодически откидывались на спину и беседовали ни о чем, глядя в безоблачное небо.

Хорошо, солнце уже находилось возле самого горизонта и не слепило глаза. Не помню, когда в последний раз испытывала подобное блаженство.

– Наверное, пора возвращаться, – предложила я, когда заметила, что солнце практически полностью скрылось. – Думаю, скоро начнет темнеть.

Мы поплыли к берегу. Стоило коснуться дна ногами, как я услышала возглас Олеси:

– Ой-ой! Кажется, у нас проблемы. – Она смотрела на берег, и я, обуреваемая плохими предчувствиями, проследила за ее взглядом.

Сердце сделало резкий скачок от испуга, когда я заметила мужчину. Он стоял на берегу и смотрел на нас. Расстояние между нами было приличное, и я надеялась, что он не видит наших обнаженных тел. А если даже и видит, то без подробностей.

Интересно, как давно он уже тут стоит? И долго ли еще собирается это делать? Как назло, почувствовала, что начинаю замерзать от долгого нахождения в воде. К тому же солнце уже полностью опустилось за линию горизонта.

– Кто это, а? Скажи ему, чтобы проваливал, – попросила я Олесю.

Она не выглядела испуганной, с интересом разглядывала мужчину. Я его толком не могла рассмотреть с такого расстояния. Поняла только, что он достаточно молодой и высокий. А еще бросились в глаза его спортивная фигура с широкими плечами, кипильно белая майка на загорелом теле и засунутые в карманы шортов руки, из-за чего поза, в которой он стоял, выглядела нахальной.

Олеся затараторила на итальянском, жестикулируя руками. При этом она широко улыбалась. Интересно, что забавного она находит в этой дурацкой ситуации? Мне было стыдно и противно, что вляпалась в такую глупость. С одной стороны, плевать, что он может подумать. Я его совершенно не знаю и, надеюсь, не узнаю никогда. С другой стороны, собственная беспомощность и откровенное издевательство с его стороны раздражали. Пялится, как на зверюшек в зоопарке! Ни стыда, ни совести!

Мужчина что-то ответил. Его баритон с хрипотцой разнесся по пустынному пляжу.

– Что он сказал? – нетерпеливо спросила я.

– Что это частные владения, и он их хозяин, – рассмеялась Олеся. – Я убью этого Серхио.

Если я не убью его первой!

– Скажи ему, чтобы ушел. И еще скажи, что мы не знали, что пляж кому-то принадлежит, и сразу же уйдем.

– Сказала уже.

– И?.. Что-то он не собирается уходить, – возмутилась я.

Мужчина, как стоял с руками в карманах, выставив одну ногу вперед, так и продолжал нас нагло рассматривать.

– А он и не собирается уходить. Говорит, что хочет посмотреть, как мы будем выходить из воды, – опять рассмеялась Олеся, правда тут же замолкла, видно, заметив, как я побледнела.

– Что ты такое говоришь? И чему смеешься?! Скажи этому придурку, чтобы валил с пляжа!

Я чувствовала, как приближается паника. Наверное, благодаря ей, я вся покрылась мурашками, замерзнув еще сильнее. Олеся в это время что-то доказывала мужчине, на что он в ответ бросал односложные фразы, явно не желая внимать ее просьбам.

– Олесь, я скоро ног не буду чувствовать от холода, – простонала я. – Что делать-то?

– А чего ты раскуксилась? – нахмурилась Олеся, посмотрев на меня. – Не хочет уходить, не надо. Пусть смотрит… Когда еще такую красоту увидит, да еще и

бесплатно.

Она собралась выходить, гордо подняв голову и нацепив ослепительную улыбку на губы. Я в панике схватила ее за руку.

– Ты с ума сошла? Не бросишь же ты меня тут одну?

– Люсь, я уже перестаю соображать от холода и не хочу заболеть, – сказала она, вырывая руку. – Пошли, говорю. Плюнь на него, пусть идет лесом. Не замерзать же нам тут теперь!

Она направилась к берегу, а я осталась стоять, не в силах поверить, что меня бросают одну. Как в замедленном кино наблюдала – все большая часть Олеси оказывается над водой. С трудом оторвала взгляд от подруги и перевела на мужчину, чувствуя, как зубы начинают выстукивать азбуку Морзе от холода. Чтобы понять, что он наслаждается разглядыванием Олеси, не нужно было видеть его отчетливо. Я почувствовала это на невербальном уровне, от него прямо исходили волны удовольствия.

Олеся шла, как царица. Голая царица! Против воли усмехнулась подобному сравнению. Она еще не оделась, как между ними завязалась дружеская беседа. Я с ужасом поняла, что обо мне забыли. Мужчина перестал смотреть в мою сторону, полностью сосредоточившись на прелестях Олеси. Мелькнула шальная мысль, может выскочить быстренько, пока он занят созерцанием? Но я ее тут же отбросила. Он стоял в аккурат рядом с моими вещами, проскочить незаметно не получится.

– Люсь, выходи, если не хочешь замерзнуть окончательно, – крикнула мне Олеся. – Как видишь, от этого не умирают. – Она демонстративно обвела себя глазами и руками, в качестве доказательства целостности.

– Олесь, пусть он хоть отвернется, – попросила я, слыша, как умоляюще звучит мой голос, и, чувствуя, как начинают трястись губы от приступа жалости к себе.

Олеся опять вступила в переговоры, все время кивая и показывая в мою сторону. Я решила, что если выживу, убью сначала ее, а потом ее драгоценного Серхио. Пусть встречаются на небесах, злыдни такие. Третьим трупом станет незнакомец, если я рискну с ним еще когда-нибудь встретиться.

Наконец, он нехотя отвернулся, кинув на меня взгляд, выражение которого я не смогла разглядеть.

– Выходи уже, несчастная, – крикнула Олеся. – Я уговорила его не смотреть на тебя, стеснительная ты наша.

От долгого стояния практически неподвижно я так замерзла, что ноги плохо слушались, пока я ползла к берегу. Все время я буравила брюнетистый затылок мужчины, опасаясь, что он развернется. Он не потрудился отойти от моих вещей, и мне предстояло подойти к нему чуть ли не вплотную. Олеся смотрела на меня, тихонько посмеиваясь, на что я старалась не обращать внимания, сосредоточившись на полотенце, которое все приближалось.

Наконец, я подобралась к своим вещам и собралась нагнуться за полотенцем. В этот момент мужчина повернулся. Я заметила насмешку в сине-серых глазах и перестала дышать на то мгновение, что его взгляд скользил по моему телу. Краска стыда и ужаса залила лицо. Как сквозь туман, который заволок уши, я услышала гомерический хохот Олеси.

Все длилось не дольше секунды. Я резко нагнулась и схватила полотенце, закрывшись им, как стеной. Кровь пульсировала в висках, мешая видеть и слышать нормально. Мужчина отвернулся и что-то сказал Олесе, на что она разулыбалась еще шире. На меня он больше не смотрел, развернулся и пошел с пляжа.

– Какой симпатичный, – сказала Олеся ему в след. – Он пригласил нас еще загорать и купаться на его пляже. – Это она уже сказала мне.

– Иди к черту! – буркнула я, облачаясь в парэо прямо на влажную кожу. Давно я себя не чувствовала настолько противно и униженно. Как будто вывалялась в грязи.

– Я-то тут причем? – возмутилась подруга.

– Иди к черту! – повторила я и пошла вперед, не глядя на нее, понимая, что такая реакция не что иное, как попытка сорвать злобу.

Глава 5. Злость, как расплата за стыд

Я неслась домой, словно мне на спину приделали пропеллер. Слышала, как чертыхается Олеся, спотыкаясь о камни. Плевать хотела! Даже не собиралась оборачиваться и ждать ее, когда поняла, что та сильно отстала. Дом манил, как спасительное убежище. От всех! И прежде всего, от собственного стыда, который безостановочно пульсировал в голове.

Залетев в дом, первым делом отправилась в ванную и с полчаса отмокала под горячим душем, смывая позор. Так противно я себя, по-моему, еще ни разу не чувствовала. Подумать только, этот урод рассматривал меня голой! Подлец! Решил, что раз пляж его, то вести себя можно, как угодно. А то, что не все такие, как эта недоделанная Мерлин, не подумал? Постоянно прокручивала в голове момент, когда он обернулся, и каждый раз снова переживала состояние панического ужаса. Никак не могла отвлечься и думать о другом. Унижение и злость грызли изнутри.

Если бы не острая потребность выпить горячего, чтобы и изнутри согреть заледеневшие внутренности, я бы прямиком отправилась спать после ванной. Только так я могла бы не думать о недавних событиях, надеясь, что к утру воспоминания притупятся. Но, пить хотелось ужасно, и я решила, что потерплю еще несколько минут.

Олеся сидела на кухне с ногами в плетеном кресле, грызла печенья, оставшиеся еще с дороги, и прихлебывала из маленькой чашки.

– Я тут нашла молотый кофе и заварила, – затараторила она, едва увидев меня. – Присоединяйся.

Я не удостоила ее даже взглядом. Сосредоточилась на поисках заварки. Не может же быть, чтобы у деда ее не было. Чай пьют все, значит где-то есть сырье для его приготовления. Я сосредоточенно открывала каждый шкафчик, заглядывала под крышки всех емкостей подряд, большинство из которых пустовали.

– Заварка внизу, прямо перед тобой, – спокойно проговорила Олеся. – В металлической банке с жар-птицами.

Я заметила большую прямоугольную банку с откидывающейся крышкой. Жар-птицами она назвала павлинов, изображенных гуляющими в райском саду. Даже тут кусочек живописи. Видно дед считал себя большим ее ценителем. Я почувствовала, как душа начинает оттаивать. Появилась зарождающаяся симпатия к человеку, о существовании которого еще совсем недавно даже не подозревала. Захотелось узнать, как он жил, чем интересовался, какой он, вообще, был?

Насыпала заварки в чашку и залила кипятком. Добавила сахару и устроилась в пустующем плетеном кресле, напротив Олеси. Чувствовала, как злость постепенно улетучивается. Спасибо деду – мысли о нем помогли осознать, что злиться на Олесю в данной ситуации глупо.

– Ты бы хоть отцедила. – Олеся подвинула ко мне пакет с печеньем. – Будешь давиться чайными хлопьями?

– И так сойдет. Зато, так крепче.

– Люсь, кончай дуться, а? Ничего же особенного не произошло. Подумаешь, увидели тебя голой. И что? Пусть ему будет стыдно…

– Олесь, – перебила я, в первый раз посмотрев не нее за вечер. – Давай не будем.

Она не выглядела извиняющейся или обиженной. Но в глазах подруги прочитала сочувствие. Видно поняла, как я себя ощущаю, и хотела исправить положение.

– Мне кажется, ты ему понравилась, – улыбнулась она. – Да и как может быть иначе…

– Олесь! – не выдержала и закричала. – Заткнись, а?! Я даже думать об этом не хочу, а ты продолжаешь трепаться!

– Все молчу, молчу. – Она подняла вверх руки, в знак капитуляции. – Чем завтра займемся? – попробовала сменить тему.

– Не знаю. Не хочу об этом думать.

Думать мне не хотелось ни о чем. Я пила обжигающий чай, сосредоточившись на этом процессе. Раздражение уступило место грусти. Наверное, это закономерно. Когда что-то злит, чего нельзя исправить, постепенно остается только сожалеть о коварных проделках судьбы. И, под шумок, подтягиваются другие грустные мысли, словно считают, что одной такой в моем сознании будет скучно.

– Давай завтра решим, что будем делать? – обратилась я к Олесе. Теперь уже начала опасаться, что она может обидеться на мое нежелание общаться. – Чего-то я так вымоталась за сегодняшний день, что хочу пораньше завалиться спать.

Я допила чай и переместилась к раковине, чтобы вымыть чашку.

– В такую рань? – изумилась Олеся. – Нет. Я, если так рано лягу, то проснусь ночью и буду валяться в постели без сна до утра. Я, пожалуй, покопаюсь в библиотеке твоего деда. Вдруг найду что интересное.

Библиотекой она назвала небольшой стеллаж с книгами в коридоре, разделяющем спальни.

– Слушай, а на что он жил? – вспомнила я про вопрос, который собиралась задать ей и все время забывала.

– Дед твой? – уточнила Олеся. – Он был рантье. Жил на проценты с небольшого капитала. Еще рыбная ловля приносила какой никакой доход. – Она замолчала ненадолго, а потом вновь заговорила: – Я вот все думаю, как тебе лучше распорядиться наследством? Корабль ты не можешь продать, так как одно из условий завещания, чтобы он продолжал ловить рыбу. А вот дом можешь, и нотариус сказал, что покупатели на него уже есть. Конечно, тебе кое-что осталось и от денег деда. Не густо, но все-таки… Они так же будут приносить проценты, плюс выручка от продажи рыбы…

– Давай подумаем об этом потом, – перебила я ход ее мыслей.

Почему-то сейчас мне не хотелось думать о продаже имущества. Становилось грустно. Откуда появилось чувство жалости к человеку, которого не знала?

Почему-то вдруг показалось, что дом этот он построил специально для меня и не хотел, чтобы я его продавала. Странным образом, но в этих стенах я чувствовала себя дома. Тут я испытывала гораздо больший комфорт, нежели в своей квартире. А в кусочек земли, владелицей которого стала, я просто влюбилась. Скалы, каменистый пляж, даже покосившийся пирс навевали романтические мысли, успокаивали, рождая в душе гармонию. Я знала, что все это придется продать, но могла я хоть немного насладиться ощущением счастья?

– Тогда, отдыхаем на полную катушку! – воскликнула Олеся. – Завтра и начнем, только выспимся как следует. В конце концов, мы можем позволить себе пару недель отдыха. А продать всегда успеем.

Я застелила постель и приоткрыла окно, впуская в спальню шум моря. К ночи поднялся ветерок, и небольшие волны кидались на камни и с шуршанием уползали обратно в море. С уютными звуками через окно проникала вечерняя прохлада, и я поплотнее закуталась в одеяло. Удивительное чувство! Словно я всегда спала на этой кровати, а не на скрипучем диване последние восемь лет.

Негативные мысли и эмоции испарились. Умиротворение рождало сон, в который я и провалилась как-то незаметно.

Проснулась на рассвете от неистового птичьего щебета, больше похожего на перебранку. Часы показывали начало шестого, а я уже выспалась и чувствовала себя бодрячком. Особенно после утреннего душа. Олеся мирно посапывала в огромной кровати, половину которой занимали разбросанные книги. Видно вчера она прочла половину дедовой библиотеки. Придется будить ее, если хотим успеть на корабль до отплытия.

Я налила кофе и задумалась, чем можно скоротать утренние часы, пока не настанет пора будить подругу? Продуктов мы вчера не закупили, завтрак готовить не из чего. Ничего, перекусим в кафе и позаботимся об обеде.

Я вышла во двор и глазам своим не поверила. Все вокруг цвело! Деревья, даже карликовое в клумбе напротив входа, усыпаны бутонами разной величины. Неистовое буйство красок, пришло сравнение. Как будто ночью здесь побывал волшебник и раскрасил сад.

Я поняла, что стою с открытым ртом и озираюсь по сторонам, забыв про чашку в руках. Опомнилась, когда часть кофе пролила на ноги. Это вывело меня из состояния ступора. Я завернула за угол дома и убедилась, что там тоже все зацвело. Даже на пальмах распустились небольшие букетики.

Как такое возможно, чтобы за ночь сад преобразился до неузнаваемости? Или для этой местности характерно, что зацветает все и одновременно?

В месте, где дом примыкал к скале, я заметила неприметную лестницу, ведущую на каменный уступ. Не раздумывая, я стала вбираться по ней, одной рукой цепляясь за ступеньки, а другой удерживая чашку, пока не выбралась на вершину скалы. Вот, значит, где любил проводить время дед? Догадка пришла, когда заметила камень, отполированный временем, почти на самом краю уступа. Поняла, что дед сидел на нем и созерцал панораму, открывающуюся с высоты птичьего полета. А посмотреть было на что – с одной стороны море, с другой – раскинувшийся внизу город. И в центре всего – яркое пятно цветущего оазиса, в который превратился дом.

Я присела на камень, как будто делала это в сотый или тысячный раз. Не почувствовала дискомфорта или прохлады. Это мой камень, он только и ждал, когда я найду его и впущу в свою жизнь.

Море успокоилось и блестело в лучах восходящего солнца. Я прихлебывала кофе и все больше влюблялась в бескрайние синие просторы. Мне нравилось всматриваться туда, где водная стихия соединялась с воздушной, где море переходило в небо или наоборот.

Я бы просидела так весь день, находясь в полной гармонии с природой, если бы не солнце, которое припекало все сильнее. Плечи и голову начало пощипывать, кроме того, следовало будить Олесю и отправляться на корабль. Нужно представиться экипажу в образе новой хозяйки, побеседовать с капитаном, чтобы потом предоставить ему все полномочия для дальнейшей ловли рыбы. Активно вникать в эту часть наследства не испытывала никакого желания.

Преодолевая обратный спуск по надежно закрепленной в скале лестнице, я услышала вопль Олеси:

– Люська! Люсь! Обалдеть! Ты видела это?!

От неожиданности чуть не выронила чашку. Умела подруга врезаться диссонансом в окружающую тишину.

– Да где ты, Люська?! – продолжала кричать она, пока я не вывернула из-за угла дома. – Люська, ты что-нибудь понимаешь?! – подбежала она ко мне растрепанная и босая, в ночной сорочке. – Что это? – она потрясенно обвела глазами двор.

– Сама не знаю, – пожала я плечами. – Но, похоже, наш сад решил нас удивить.

Никогда еще не было так легко на душе. Хотелось петь и танцевать. От наплыва чувств я громко чмокнула Олесю в щеку. От неожиданности и переполненности эмоциями та громко расхохоталась.

– Мамочки, куда я попала? – сквозь хохот проговорила она. – Это точно реальный мир? Не сказка? – Она внезапно перестала смеяться и уставилась на меня. – Слушай, а может это загробный мир?

Только этого нам не хватает – обоюдного помешательства.

– Олесь, не мели чепуху, – не очень уверенно произнесла я. – Какой еще загробный мир?

Сказать сказала, но уверенности в обратном не испытывала. Семена сомнения давали всходы в душе.

– Ладно, сейчас проверим, – деловито отозвалась Олеся. – Пошли одеваться и топаем в порт. По дороге сориентируемся.

Через несколько минут мы выходили из дома, экипированные для делового похода. По молчаливому согласию и я, и она облачились в шорты и футболки. В этот раз даже Олеся изменила привычке носить обувь на высоком каблуке, надела открытые танкетки на плоской подошве.

– Вернемся обратно, напомни, срезать эти дурацкие колючки, – чертыхнулась Олеся, продираясь сквозь заросли на тропинку, ведущую в город. – И нет! В раю не могут расти колючки, – повернулась она ко мне. – Мы все еще в реальном

мире.

Я тоже склонялась к этой мысли, чувствуя, как нешуточно палит солнце, заставляя обливаться потом.

Выяснив у прохожего, в каком направлении порт, мы пошли той же дорогой, что и в день приезда, когда следовали за нотариусом. Проходя мимо конторы, вдруг вспомнили, что не знаем даже названия судна. Не зря, значит, пошли именно этой дорогой.

На входе поприветствовали того же дядьку, в том же кресле. Мне показалось, что даже напиток он пьет такой же. Видно, его дни подчинялись определенному ритуалу, с утра пораньше.

Нотариус разулыбался нам, как родным, разве что не бросился обниматься. Каково же было наше изумление, когда узнали, что корабль называется «Людмила»!

– Это в честь тебя, что ли? – недоуменно спросила Олеся.

– Представления не имею…

Я понимала, что понимать начинала все меньше, а загадок становилось все больше.

Порт встретил грохотом и суетой. Пожалуй, это было самое людное место в городе. Народ сновал туда-сюда, казалось, без всякой системы. Отовсюду слышались крики, кто-то ругался, кто-то смеялся, а я боялась оглохнуть от наплыва звуков после утреннего единения с природой.

– Так, здесь должна быть портовая столовая, – со знанием дела заявила Олеся. – У нас есть время на завтрак. Сейчас узнаю…

Она подошла к тучному мужчине в матросской тельняшке и завела светскую беседу, не забывая лучезарно улыбаться. Мужчина чуть не стек на асфальт, попав под власть ее очарования. Олеся задала ему несколько вопросов, получила эмоциональные многословные ответы. В заключение беседы, он долго

целовал ее руку, пока она не вернулась ко мне довольная и раскрасневшаяся.

– Замечательный дядечка! – прокомментировала она. – Кстати, капитан. Ладно, потопали… Я все выяснила.

Примерно так я и представляла себе портовую столовую. Это даже постройкой нельзя было назвать. Небольшой одноэтажный домик, каменный, как и все на этом остове, от которого тянулся длинный навес. Под навесом ряды пластиковых столов с такими же стульями. Большое раздаточное окно и что-то наподобие школьной доски рядом на стене, где мелом написано меню на сегодня.

– Никто и не обещал, что это будет ресторан, – сказала Олеся, заметив скептическое выражение на моем лице. – Главное, чтобы нас тут накормили.

Мы подошли к окошку.

– Так, ты что будешь? – поинтересовалась Олеся, вчитываясь в меню. Как она там только что-то умудрялась прочесть, ума не прилагала. Закорючки с трудом можно было назвать буквами. – Я, пожалуй, ограничусь яйцами и сметаной. Хочется чего-то нашего, российского. Еще есть круасаны, блины и… что-то типа ягодного пирога, – догадалась пояснить она для отстающих, какой я чувствовала себя.

Яиц мне не хотелось, и я выбрала блины, тоже со сметаной. Запить решили сухим вином местного производства. У дородной итальянки, на раздаче, Олеся заодно поинтересовалась, где стоит «Людмила». Та показала куда-то себе за спину и много чего наговорила. Интересно, это язык такой, или жители острова отличаются многословностью?

– Это национальная черта итальянцев, – смеясь, пояснила Олеся, когда мы расположились за столом, и я озвучила вопрос.

Нечего удивительного, что подруга влюбилась в эту страну. Сама она любила поболтать и могла переговорить любого. Я же предпочитала слушать.

– Кстати, тут рядом палаточный городок беженцев, – с удовольствием уплетая крутое яйцо, поведала Олеся, – поэтому в порту плюнуть негде. Почти все

беженцы крутятся тут же. И продолжают прибывать. Бедняги… местные жители их терпеть не могут.

Я понимала обе стороны. Островитян, жизнь которых в какой-то момент превратилась хаос, лишив привычного заработка, и бедняг, которые рискнули бросить все и пуститься на поиски лучшей жизни. Ни та, ни другая сторона не виноваты, что так сложилась ситуация, но обе они страдали и искали пути выхода из нее. Ничего удивительного, что настроение выливалось в недовольство. Человек всегда стремится к гармонии.

С завтраком мы расправились быстро и пустились на поиски корабля, который упорно ассоциировался у меня с «Алыми парусами».

Женщина с раздачи сказала, что шхуна стоит возле десятого пирса, и не ошиблась. Я сразу догадалась, что большая красная лодка и есть наш рыболовецкий корабль. Не зря у меня в голове удерживалась размытая алая картинка, смутный образ чего-то плавучего и красного. Как-то сразу картинка оформилась именно в эту лодку – достаточно новую и современную, с кучей приспособлений, совершенно незнакомых мне, но, по всей видимости, необходимых для выхода в море и ловли рыбы.

Мы подошли к мужчине в полосатой майке, который сидел на корточках и развязывал узлы веревки, крепящей лодку к пирсу. Он как раз распутал узел и поднялся во весь рост, собираясь закинуть веревку второму матросу, поджидающему на судне возле трапа. Олеся обратилась к нему с речью, а я занялась праздным разглядыванием. Собственно, не я одна. Мужчина, что находился на лодке, в свою очередь рассматривал меня. Как-то сразу на его смуглом лице заиграла хитрая улыбка. Он пригладил растрепавшиеся на ветру темно-русые волосы и подмигнул мне, улыбаясь все шире. При этом он вышел и встал перед трапом, чтобы я могла вволю насладиться его атлетической фигурой и развитой мускулатурой.

– Людмила? – поинтересовался он на чисто русском. Сказать, что я обалдела, не сказать ничего. Неужели он русский? – Я был близко знаком с вашим дедом и видел ваш портрет, – пояснил он, и я различила сильный акцент. Значит, все-таки, итальянец. – Идите сюда. – Он спустился по трапу и протянул мне руку.

Несколько секунд колебаний, и я приняла руку помощи и поднялась в лодку, пока Олеся продолжала беседовать со вторым матросом. Заметила, только, что тот снова закрепил лодку на пирсе. Видно, подруге удалось убедить его, что в море можно выйти позже, а перед этим нам нужно побеседовать с капитаном.

– Марко, – представился красавчик, не переставая с улыбкой рассматривать мое лицо.

Он решил пересчитать все мои веснушки? Я почувствовала, как непроизвольно краснею. Не привыкла становиться объектом столь пристального наблюдения. С досадой отвернулась и наблюдала, как второй матрос, гораздо более угрюмый, чем этот, помогал Олесе подниматься по качающемуся трапу. Лица его я разглядеть не могла, оно пряталось под козырьком красной бейсболки, надвинутой на глаза. Зато мощную фигуру рассмотрела внимательно. Было в ней что-то обезьянье. Возможно, сходство придавали широченные плечи, узкий, вопиюще мужской, таз и длинные руки с крупными кистями. В одной из них совершенно потерялась рука Олеси. Вообще, со спины он мне чем-то напомнил Адриано Челентано, каким тот снимался в «Укрощении строптивого». Подозрения в сходстве подтвердились, когда мужчина зыркнул на меня черными глазами из-под нахмуренных бровей и что-то буркнул, привлекая мое внимание к большому рту с полными губами. Точно! Вылитый Челентано!

– Он тебя поприветствовал, – рассмеялась Олеся, видя мое недоумение.

– Аааа, здравствуйте, – спохватилась я. Впрочем, мое приветствие отскочило от его спины, которая удалялась от нас и выглядела негостеприимно.

– Не обращайте на него внимания, – проговорил Марко, галантно целуя руку Олесе. – Дарио говорит мало, зато делает много, – рассмеялся он, и Олеся составила ему компанию. Мне его шутка не показалась смешной.

– Как приятно встретить итальянца говорящего по-русски, – промурлыкала она, не торопясь отбирать у него руку, которую он продолжал удерживать то ли случайно, то ли намеренно. Я почувствовала, как в душе шевельнулось неприятное чувство, словно это зрелище меня раздражало. Что это со мной?

– А вам приятно? – заглянул мне в лицо Марко, и я почувствовала его дыхание на своей щеке.

– Мне все равно, – отвернулась я, пытаясь не подать виду, что его внимание мне приятно. – Не пора ли поговорить с капитаном? Иначе вы и до обеда не выйдете в море.

Глава 6. У нас есть враги

Капитан мне не понравился с первого взгляда, когда я заметила его, выходящего из рубки. Небольшого роста, с брюшком, с обширной лысиной и отвислыми щеками, он окинул масляным взглядом Олесю и, не скрывая неприязни, посмотрел на меня.

– Людмила Савельева, – представилась я, протягивая руку.

Он проигнорировал мой жест и что-то отрывисто велел Марко. Тот улыбнулся нам напоследок, козырнул и отправился заниматься делами.

– Карло Пуччини, – проговорил капитан, демонстративно пряча руки в карманы широких штанов, смотрящихся на нем мешком.

Олеся, в свою очередь, преставилась и что-то сказала ему, по всей видимости, озвучивая степень моего родства с дедом. Тогда он заговорил, обращаясь исключительно к ней. Я чувствовала, что речь идет обо мне, и видела, как подергивается и краснеет его щека. Еще я заметила, как постепенно меняется лицо Олеси, как медленно с него сползает маска дружелюбия.

– Что он сказал? – попросила перевести я и поймала ее задумчиво-недоуменный взгляд.

– Ну, в общем… – Олеся замялась. – Даже не знаю, как сказать.

– Как есть, так и говори. Я и так поняла, что нечего хорошего он не сказал.

– Ну… он сказал, что твой дед выжил из ума, раз решил оставить все тебе. Это я еще мягко перевожу, он использовал словечки покрепче. – Она посмотрела на

капитана, не прекращающего шарить взглядом по ее фигуре. Олеся отошла от него на безопасное расстояние, видно, опасаясь, что он может пустить в ход руки. – Еще он сказал, чтобы ты не теряла тут время даром и мотала восвояси, что бизнес этот загибается, уловы падают и все в таком роде. Велел передать, что не собирается иметь дело с русской дурехой.

– Так и сказал? – решила уточнить я, чувствуя, как внутренности закипают от ярости.

– Ну, да… В общем, по-моему, он не в своем уме, – доверительно сообщила Олеся, наклоняясь ко мне, как будто капитан мог догадаться, о чем она говорит. – Или просто ненавидит тебя. Хотя, ума не приложу, за что?..

– Так! Переведи-ка ему, – велела я, стараясь говорить спокойно. При этом я заставила себя посмотреть в лицо капитану, хоть мне это и не было приятно. – В общем так, судно мое, хочет он того или нет. Количество улова я намерена проконтролировать лично. А это значит, что завтра мы выходим в море с ними. Еще… переведи, что если он еще хоть раз позволит себе говорить обо мне в таком тоне, то о должности капитана этого судна может забыть. И еще скажи ему, что повторять я не намерена, в следующий раз просто уволю.

Как он только не взорвался, когда Олеся перевела ему мою короткую гневную речь. Мне даже показалось, что он раздулся от злости и как-то прерывисто начал дышать. Несколько секунд он смотрел на меня, и в его мутноватых серых глазках плескалась неприкрытая ненависть. Потом развернулся и пошел прочь, даже не попрощавшись.

– Здорово ты его, – похвалила Олеся. – Только, сдается мне, что на острове у нас появился враг.

– Да, плевать я хотела! Кто он вообще такой? Наемный работник. Уволю нафиг и все. Вон, Марко станет капитаном.

Марко уже приближался к нам с бессменной улыбкой на губах. Только мое паршивое настроение его улыбка не скрашивала. Резко захотелось домой, подальше от этого судна, а лучше и острова со всеми его обитателями. Навалилась вековая усталость, словно все силы ушли на отпор капитану.

– Завтра мы выходим с вами в море, – довольно угрюмо сообщила ему Олеся. Я поняла, что перспектива весь день проторчать на этой посудине ее не радовала. Но я так решила! Уступать этому индюку не собиралась. А подружка может и потерпеть.

– Так это же замечательно! Берите с собой купальники. Позагораете и даже сможете искупаться в открытом море, правда, только на обратном пути, – попытался развеселить нас Марко, не переставая смотреть на меня. Честно говоря, устала я краснеть под его откровенным взглядом.

От его слов Олеся немного воспрянула духом. Решила, наверное, что из любой ситуации можно извлечь выгоду для себя. Я была настроена менее оптимистично, и к завтрашнему дню мне стоило морально подготовиться.

– А ты ему понравилась, – сказала Олеся, когда мы покинули порт.

– Кому?

В этот момент я думала о злобном капитане. И в первый момент подумала, что Олеся имеет в виду его.

– Марко, кому же еще.

– Да брось, ты, – отмахнулась я. – С таким же успехом я могу утверждать, что ты ему понравилась. Таким, как он, нравятся все женщины.

– Ох, Люська, недооцениваешь ты себя, – вздохнула Олеся, беря меня под руку. Видно, она устала и решила немного повисеть на мне, так как я сразу ощутила тяжесть ее тела. – В тебе есть что-то особенное, какая-то загадка. Я хоть и не мужик, но тоже кое-что подмечаю.

– В смысле я так себе, но что-то во мне есть? – со смехом уточнила я.

– Дура ты! Я разве так сказала? – возмутилась Олеся, зато отпустила мою руку. Идти стало легче. – Я же говорю про внутренний свет. Иногда мне кажется, что ты светишься изнутри, становишься загадочной, особенно, когда задумываешься. Наверное, за это я и люблю тебя, – коротко рассмеялась она и

опять схватила меня под руку.

Внутренний свет? Я задумалась. Глупости все это! С мужчинами мне не везло. Несколько раз начинала встречаться, пару раз даже думала, что вот оно то самое настоящее. Но через какое-то время все заканчивалась. И не я была инициатором. Бросали меня. А она плетет про какой-то внутренний свет. Если даже он и есть, то специально, чтобы отталкивать мужчин. Иначе к тридцати годам я бы не чувствовала себя такой одинокой.

Я посмотрела на Олесю, которая молча брела рядом, все сильнее повисая на мне. Жара ее расплющила окончательно. Наступало время сиесты, нужно прибавить темп, чтобы поскорее оказаться в спасительной прохладе.

Олесю я считала настоящей красавицей, но она тоже так и не нашла пока свою половинку. Хотя, в ней и внутреннего и внешнего блеска хоть отбавляй. Значит, дело не в этом, а в карме или как она еще там называется. Судьба, одним словом. Я снова глянула на подругу. А может, она и не созрела еще для серьезных отношений? Что ни говори, а флирт в ее жизни играет ведущую роль. Она любит и умеет кружить головы мужикам. Короче, запуталась окончательно. А все Олеська, заговорила о каком-то свете! А может, виноват Марко, образ которого нет-нет, да и вставал передо мной на всем протяжении пути.

Мы зашли в небольшой магазинчик, самый ближний к дому, и накупили два огромных пакета продуктов. Теперь хоть готовить будем, а не тратить деньги в барах.

Восхождение на плато прошло тяжелее, чем я планировала. Ноги устали, да и пакеты тянули вниз. К тому моменту, как зашли под навес веранды, мы с Олесей были похожи на два моченых яблока, красного цвета.

– Ну и жарища тут! – Олесь плюхнула пакет прямо на веранде. – Я в душ. Если не охлажусь, то умру на месте, – и умчалась в дом.

Ну, да! А я разбирай пакеты. Как будто жарко ей одной. Делать нечего, потащила пакеты на кухню, не бросать же здесь, на жаре.

Через несколько минут меня сменила заметно повеселевшая Олеся.

– Иди, мойся. Я, как заново родилась. – Она даже вытираться не стала, надев сарафан на влажное тело. Видел бы ее сейчас капитан… Тьфу, придет же такое в голову! Нашла, о чем думать. – Обед беру на себя. Чего бы ты хотела?

– Может салат какой? В такую жару вряд ли что-то серьезней полезет в горло.

– Тогда я нарежу салат быстренько и пожарю нам по кусочку мяса. Ок? Без мяса я не могу, организм требует. Мы львы все такие. – Она достала мясо и принялась его разглядывать, прикидывая с какой стороны лучше отрезать. – Я его все пущу на заготовки. Распихаю по пакетам, чтобы потом доставать и жарить. Ладно?

– Ты шеф, тебе и карты в руки…

Я уже собралась уходить, как застыла, осененная мыслью.

– Слушай! У тебя же скоро день рождения!

– Помню, – улыбнулась Олеся. – Поэтому и заговорила про львов.

– Как будем отмечать?

– Я тут подумала… Может, организуем небольшой сабантуйчик у Серхио?

Так-так… Видно Олеся запала на молоденького бармена сильнее, чем я думала.

– Я планировала сегодня как раз переговорить с ним на эту тему, – продолжала она. – Можно будет Марко пригласить и того, второго, забыла, как его зовут.

– Дарио, – подсказала я и подумала, что мне нравится это имя. Красиво и нежно звучит, чего не скажешь о его обладателе. Встречается же такое несоответствие.

– Марко и Дарио! Смешно. – Олеся громко рассмеялась, заглушая звук молотка, которым отбивала мясо.

В общем-то, идея посидеть в кафе на берегу моря мне понравилась. Только вот приглашать членов экипажа? Уместно ли это будет? Я решила пока об этом не думать, до дня рождения еще есть время, и планы запросто могут поменяться.

Стоя под прохладным душем, я снова и снова проигрывала в уме поход в порт. Противная морда капитана все не шла из головы. Что я ему такого сделала, способного вызвать самую настоящую ненависть? Он и видел-то меня впервые. Может, дед ему рассказывал обо мне? Хотя, он и сам ничего не знал. Откуда? А эта фотография на комоде… Она как тут появилась? И почему у меня такое чувство, что кто-то пытается выжить меня с этого места? А главное, зачем? Столько загадок, и всего за два дня пребывания тут.

Постепенно образ Марко вытеснил все остальные мысли. Неужели он, правда, запал на меня, как утверждает Олеся? Верится с трудом, чтобы такой красавчик мог заинтересоваться ни чем не примечательной мной. Но, он на самом деле вел себя необычно, оказывал мне предпочтение. Чего уж там, перед собой-то я могу быть честной. А мне он понравился? Не мой тип, точно! Никогда не интересовалась классическими красавчиками. Но его внимание льстит, нет смысла скрывать.

Захотелось, чтобы поскорее наступило завтра. Появились предчувствия чего-то приятного, связанного с поездкой в море. Я тут же себя обругала, напомнив, что еду не развлекаться, а работать, вернее, наблюдать за процессом рыбной ловли. Как только буду контролировать это дело, если совершенно в нем не разбираюсь. Была бы сейчас дома, заглянула бы в Интернет, почитала бы статейки на эту тему. Оставалось надеяться на интуицию, что пойму, если что-то пойдет не так.

Олеся накрыла стол на веранде. Салата она нарезала огромную чашу. Мясо дымилось на порционных тарелках, перед которыми стояли бокалы с апельсиновым соком. Когда только все успела?

– Я подумала, что свежевыжатый сок лучше, чем чай или кофе в такую жару, – сказала она, принимаясь за свой кусок мяса с видом хищницы. Она так держала нож с вилкой, что казалось сейчас растерзает этот несчастный кусок.

Не разделяла ее аппетита, но ради приличия съела полпорции, а потом переключилась на салат. Вот его я одолела не меньше половины, даже не

заметила как.

– Я вот все думаю… – Олеся откинулась на спинку кресла, сыто потягиваясь. – Судя по тому, как все здесь, – она обвела любовным взглядом двор, утопающий в цветах. Бутоны, которые утром только появились, сейчас полностью распустились и красовались во всем великолепии. Участок вокруг дома еще больше стал напоминать оазис в пустыне. – У твоего деда был отменный вкус, – продолжала Олеся. – Почему же картины в таких уродливых рамках? Где он только откопал такие?

Я перевела взгляд на картины, украшающие стену дома. Действительно, позолоченные рамки смотрелись, как дешевые декорации. Все одинаковые и массивные, они еще больше портили и без того бездарные изображения, словно уродливые оборки строгое платье. Оформленные таким образом картины не вписывались в общую гармонию этого места.

– А какие у тебя планы вообще по поводу наследства? – поинтересовалась Олеся.

– Даже не знаю… А у тебя есть предложения?

– Да я тут все думала… Нельзя продавать такую красоту. – Она снова обвела взглядом дом и двор. – Не могу сформулировать свою мысль точнее, но мне кажется, что дом ожил с твоим появлением. Как будто только ты и можешь быть его хозяйкой. Понимаешь?

Странно, но Олеся озвучила мои мысли. Нигде я не чувствовала себя так спокойно, как здесь. На самом деле казалось, что я нашла свой дом. И, каждый раз, когда всплывала мысль о его продаже, становилось как-то не по себе, словно я планировала совершить преступление. Я гнала от себя эти мысли, но они нет-нет да возвращались.

– Как же мы будем возвращать долг Славику? – спросила я.

– Да, придумаем что-нибудь, – отмахнулась Олеся. – Подождет, не обеднеет. Давай не будем о грустном. Постараемся отдохнуть как следует. У нас еще целых три недели шикарного отпуска, – она опять довольно потянулась. – Что-то меня расплющило после плотного обеда. Давай, вздремнем немного, а потом сходим на пляж? Можно заглянуть к Серхио, – аккуратно добавила.

Ох, Олеся, Олеся, не можешь ты скрывать, о чем думаешь на самом деле.

– Запала на него, да?

Она пыталась сделать серьезную мину, но не выдержала и расплылась в счастливой улыбке.

– Он такой милый. И смотрит, как ребенок иногда.

Вот значит, какие мужчины ей нравились? С которыми можно почувствовать себя мамой? Не замечала за ней этого раньше. Сама я точно не хотела бы с кем-то нянчиться. Скорее, я нуждаюсь в крепком мужском плече. В моем понимании мужчина должен доминировать во всем, особенно физически. Хотя, в этом плане Серхио как раз ничего. На его мускулатуру я тоже невольно обратила внимание. Интересно, у них тут все такие качки? Тут, я вспомнила капитана и поморщилась. Не все, точно.

Всю сиесту мы благополучно проспали. Проснулись, солнце уже не так жарило. Море манило, забрасывая в окна звуки прибоя. Дневная рябь сменилась небольшими волнами. Я отчетливо представила, как они накрывают камни, уползают обратно, оставляя блестящий мокрый след.

Олеся уже вовсю собиралась. Она прихорашивалась перед трюмо в ее комнате, что-то напевая. Повсюду царил беспорядок. Это являлось частью ее характера – где бы не находилась, окружать себя творческим хаосом. В прибранном помещении она не могла существовать, ее раздражала стерильность и порядок. Кровать она в принципе не заправляла, мотивируя тем, что нет смыла застилать то, что через несколько часов опять придется разбирать. Даже родители в детстве еще старались приучить ее к аккуратности, а потом махнули рукой. Я, педантичная от природы, тоже привыкла к этой ее особенности и уже не обращала внимания.

– Думала, придется тебя будить, соня, – не глядя на меня, проговорила она, сосредоточившись на подкрашивании глаза.

– Да я уже давно проснулась, просто вставать не хотелось. Валялась.

Я, действительно, какое-то время лежала в постели, наслаждалась легким ветерком, проникающим в открытое окно, шелестом волн, криками чаек и гагар. Пахло свежестью моря с примесью чистого воздуха и цветущего сада. Я бы могла так лежать вечно, если бы желание окунуться в море не пересилило. Идти никуда не хотелось. А вот полежать на камне и позагорать я бы не отказалась. В прошлый раз я даже облюбовала подходящий для этих целей валун, отполированный морем.

– Я подумываю прогуляться к Серхио. Ты не против? – спросила Олеся. – А потом можно будет позагорать.

Как тогда, когда я стала жертвой унижения? Кто знает, какая территория пляжа принадлежит ему. Рисковать не собиралась.

– Не обидишься, если я не пойду?

– Почему? – повернулась ко мне Олеся. – Я думала, мы выпьем винца с тобой. Отметим, наконец, достойно приезд сюда.

– Ну, давай это сделаем вечером? У нас и вино есть. Я просто хочу тут поплавать, лень куда-то тащиться.

– Фуууу, а мне не хочется мять кости на булыжниках. Может, я все-таки пойду? – умоляюще проговорила она.

– Да, иди, конечно!

Я и не собиралась ее отговаривать или агитировать составить мне компанию. Напротив, хотелось немного побыть одной. Да и она, я же видела, строила грандиозные планы на сегодняшний вечер, в которых мое присутствие станет помехой.

– Тогда, обещаю вернуться не поздно, – повеселела Олеся.

Мы вместе вышли из дома и спустились к морю. С улыбкой наблюдала, как Олеся торопливо разувается и подбегает к воде.

– Ну, я пошла? – смотрит на меня счастливыми глазами, сгорая от нетерпения и предвкушения встречи.

Счастливая! Я завидовала ее беспечности и жизнерадостности. Почему не у всех получается так жить? Вот я, например, живу с оглядкой, не могу смотреть только вперед. Все время анализирую свои поступки. Зачем, спрашивается? Не лучше ли строить планы, о чем-то мечтать, как это делает Олеся? Она никогда ни о чем не жалеет. На первом месте импульсы, подгоняющие ее двигаться вперед, а не топтаться на месте. Разум не позволяет ей совершать глупости, но она не находится в его власти, а умело им пользуется. Я же погрязла в самой себе, временами перестаю замечать, что творится вокруг. Наверное, нужен кто-то, способный отвлечь меня от себя любимой, затмить мой разум.

Я скинула сарафан и направилась к пирсу. Какое-то время разглядывала моторную лодку. Симпатичная и сравнительно новая. А главное, моя! Столько всего за последнее время стало моим, что и в голове не укладывалось. Захотелось сесть в лодку и поплыть куда-нибудь. Нужно обязательно научиться ею управлять. Надеюсь, для этого не нужно специальное разрешение?

В скользящих по поверхности солнечных лучах вода казалась насыщенного синего цвета. И такая прозрачная! Даже стоя на краю пирса, который на приличную длину врезался в море, я видела дно с проплывающими мимо рыбешками. Море вокруг острова считалось заповедной зоной. Охота за подводной фауной категорически запрещалась. За этим строго следили. Я подумала, что обитатели водной стихии не такие уж примитивные. Они точно знали, что люди не сделают им ничего плохого. Плавали, не опасаясь человека. Но и ему разрешали присоединиться и насладиться прозрачной водой.

Я села на край пирса и опустила ноги в воду. Побултыхала ими, а потом соскользнула с твердой поверхности и вся погрузилась в приятную прохладу. Надо же! А тут достаточно глубоко, ноги не достают до дна. Оттолкнулась от пирса и поплыла. Только почувствовав усталость, остановилась и перевернулась на спину, позволяя мышцам расслабиться.

Далековато я забралась от берега. Внезапная мысль, что тут могут водиться акулы, напугала меня до такой степени, что я поспешила обратно. Мышцы не успели отдохнуть, и, к тому моменту, как коснулась дна, я выдохлась ужасно. На берег практически выползала, но не помню, когда последний раз испытывала такое удовлетворение. Заплыв подействовал волшебно, весь негатив я оставила

в море, как заново родилась.

Я растянулась на горячем камне, облюбованном в качестве шезлонга. Жестковато, конечно, но терпимо. Мои худосочные телеса в состоянии выдержать такое ложе.

Думать ни о чем не хотелось, и я задремала под размеренный шелест волн. Разбудил меня неприятный и резкий звук. Тело затекло. Кряхтя, как старая бабка, я перевернулась и уселась на камне, глядя на нарушителя спокойствия.

Оказывается на мои владения посягнул какой-то скутерист, уверенно направляясь к берегу и распугивая местных рыб рокотом мотора. Интересно, что ему тут понадобилось?

Скутер замедлил ход, пока не остановился. Хозяин соскочил с него и закрепил на пирсе. Только тут в мужчине, одетом в водонепроницаемый костюм, я узнала наглеца, что испортил нам первое купание. Ну что за невезение! Второй раз встречаюсь с ним практически голая. Мини бикини, что прикрывали сейчас интимные фрагменты моего тела, я не считала достойной защитой от его наглого взгляда.

Заходящее солнце слепило глаза, мешало смотреть. Зато меня, должно быть, ему видно замечательно. Я подтянула колени и обхватила их руками, чтобы хоть частично укрыться от его взгляда. Но, все равно чувствовала себя, как голая. Лицо запылало то ли от досады, то ли от воспоминаний о прошлой встрече. Я отвернулась и принялась рассматривать скалу, понимая, что выгляжу глупо. Никак не могла справиться со стыдом, воспоминания, что он видел мое обнаженное тело, не давали покоя. Злость, что он посмел вторгнуться на частную территорию, выводила из себя. Хотелось демонстративно встать и покинуть пляж, лишь бы только с ним не общаться.

Мужчина что-то сказал, с ленцой растягивая слова. Я была вынуждена посмотреть на него, не в силах скрыть ехидной улыбки.

– Не понимаю, – ответила, разведя руки в стороны и качая головой, всем своим видом намекая, что беседы не получится.

Он и не собирался уходить, продолжая меня разглядывать. Я ничего не могла рассмотреть, кроме высокой фигуры и темных вьющихся волос, прилипших мокрыми прядями к его лбу.

– Говорите по-английски? – вновь спросил он, перемещаясь в сторону и закрывая собой солнце. Невольно вздохнула с облегчением, когда оно перестало светить в глаза.

О да! Это я могла. Говорила, может, и не так бойко, но понимала почти все. Спасибо сильной школьной базе и дополнительным курсам, а еще маме, которая настояла на знании языка.

Пришлось сознаться, не делать же вид, что не понимаю.

– Как вам тут, нравится? – он устроился на соседнем камне и посмотрел в сторону моря. Слава Богу, перестал разглядывать меня.

Появилась возможность рассмотреть его лицо. Настоящее мужское: широкие скулы, квадратный подбородок, нос с горбинкой. Ничего особенного. Нет, есть особенное! Я снова вспомнила взгляд его наглых серо-синих глаз – единственное, что сохранилось в памяти с прошлой встречи. Он нахал, каких поискать! И чего только приперся сюда?

– Это частная территория, – выпалила я, находясь во власти отрицательных эмоций.

Начинало бесить, что он не собирается уходить. Сидит тут с видом хозяина мира.

– Знаю, что старик оставил все тебе, – кивнул он, обводя глазами пляж и возвращаясь к моему лицу. – Интересно, почему?

– Наверное, потому, что я его родственница, – ехидно ответила я.

Бесила его манера говорить с ленцой, и хрипотца в голосе выводила из себя. Резко захотелось уйти с пляжа, но снова одеваться под его взглядом… Ни за что!

– Сомневаюсь, – протянул он.

Интересно, в чем? В том, что я родственница или в том, что дед все завещал мне? К чему, вообще, этот разговор?

– Вас это не касается! – отрезала я. Не собиралась и дальше выслушивать его сомнения. – Если вы не заметили, я тут отдыхаю. И хочу побыть в одиночестве.

Пропало желание деликатничать. Захотелось сказать открытым текстом, чтобы валил с моего пляжа.

– Будь осторожна, – предупредил он, поднимаясь с камня. – Италия – гостеприимная страна, но только когда гость ведет себя скромно. Не высовывайся.

Это угроза?! Я чувствовала, как в душе растет возмущение. Что он себе позволяет? Что значит, не высовывайся?

Этот мужчина вызывал во мне целый букет отрицательных эмоций, которые множились с каждой минутой. Вроде он собрался уходить. Чему я несказанно рада. Иначе, не ручаюсь за себя. Грубо я могу и по-английски ответить.

– Здесь неудобно купаться и загорать, – повернулся он, направляясь к воде. – Можешь приходить на мой пляж. Обещаю не мешать. Если, конечно, ты не будешь купаться обнаженной.

Его глаза блеснули, и на губах появилась ехидная усмешка. Ответить я не успела. Пока соображала и справлялась с новой волной смущения, он уже усаживался на свой скутер и отчаливал от берега.

После его ухода я еще какое-то время оставалась на пляже. Настроение резко испортилось, да еще и Олеся загуляла. Сейчас мне, как никогда, требовалось ее суетливое общество.

Я наблюдала, как солнце прячется за горизонт, окрашивая небо в яркие цвета. Завораживающее зрелище! Несмотря на то, что хотелось уйти в дом, я продолжала рассматривать закат, пока светило полностью не скрылось.

Постепенно начало темнеть. Надеюсь, Серхио проводит Олесю. Не будет же она пробираться в темноте по камням. Что-то я разволновалась и немного замерзла на остывающем камне. Пора уходить.

Дома я налила себе бокал вина и вышла на веранду. В свете фонарей сад казался еще более сказочным. Радовало, что тут нет комаров. Эти кровопийцы способны испортить любой отдых. Я потягивала вино и думала о характере собственных ощущений. Почему с каждым днем мне все сильнее кажется, что я оказалась дома? Почему это место воспринимается, как родное? Все ли дело в законном наследстве? Или есть что-то еще?

Олесю я не дождалась, да и не рассчитывала больно. Когда окончательно стемнело, отправилась спать. Надеялась только, что придет она не слишком поздно, и завтра не будет выглядеть, как сонная муха.

Глава 7. Братский налет

Разбудил меня дикий визг. Я так испугалась, что не сразу поняла, где нахожусь. Вспомнив, осознала, что кричать может только Олеся. Собралась вылезти из постели и бежать ей на помощь, как в комнату распахнулась дверь. На какой-то момент в проеме мелькнул мужской силуэт. В следующее мгновение меня буквально выдернули из кровати и потащили из комнаты, не заботясь о том, что я ударяюсь обо все встречные углы.

От яркого света в гостиной я ослепла на несколько секунд. Все это время слышала мычания, в которые перешел Олесин визг.

– Тихо ты, крошка. Веди себя хорошо, и дяди тебя не обидят, – услышала я русскую речь.

Я, наконец-то, проморгалась и смогла оценить ситуацию. Олесю держал бритоголовый амбал. Одной рукой он обхватил ее за талию и прижал спиной к себе. Другой зажимал ей рот. Она непрестанно мычала и дико вращала глазами, одновременно пытаясь вырваться. Все ее попытки заканчивались неудачей, амбал вдвое крупнее ее и, наверное, во столько же раз, если не больше,

сильнее.

Подруга не раздевалась, значит только вернулась с прогулки. Скорее всего, она и впустила в дом незваных гостей. Сколько же время? Я перевела взгляд на того, кто крепко держал меня за запястье. Как брат-близнец того, что не давал шелохнуться Олесе. Такой же здоровый и бритый.

Я еще не до конца проснулась, наверное, поэтому испуг носил притупленный характер. Казалось, что происходит это не с нами. Как во сне наблюдала за рукой амбала, удерживающего Олесю, как она двинулась вверх и обхватила пышную грудь. Зря он это сделал. Не успела додумать. Бритоголовый зарычал, выпустил Олесю и затряс рукой.

– Кусается, падла. – Он рассматривал руку. – До крови укусила.

– А ты держи свои лопасти при себе, придурок! – провизжала Олеся. Она сейчас напоминала разъяренную кошку. Недолго думая, заехала амбалу между ног, отчего тот согнулся в три погибели, моментально забыв про укушенную руку.

– Сука! Убью! – рычал бритоголовый, только разогнуться пока не мог. Видать, знатно ему заехала Олеся.

– Попробуй, ублюдок! Получишь еще! – проорала Олеся.

Что она делает?! Он же ее сейчас пристукнет! А ей хоть бы хны. Растрепанная, размазывает злые слезы по лицу и сверлит его взглядом, словно хочет испепелить.

Я, наконец, начала приходить в себя. Поняла, что все это не снится. Дернула рукой, пытаясь высвободится из железной хватки.

– Отпусти, больно, – попросила я, стараясь говорить спокойно. Достаточно одной орущей.

– Без фокусов, поняла? – брат-близнец разжал пальцы, я потерла запястья. Наверное, останутся синяки.

В это время события разворачивались стремительно. Амбал пришел в себя и кинулся к Олесе. Она совершенно дико завизжала, когда он схватил ее за волосы и закинул голову.

– Попрощайся с мордахой. Сейчас твоя физиономия изменится до неузнаваемости…

Не отдавая себе отчета, я рванула на помощь подруге. Мой охранник не успел отреагировать вовремя. Я вцепилась в руку амбала, которую тот занес для удара. Олеся завизжала еще пронзительнее, видно он сильно дернул ее за волосы от неожиданности. Я почувствовала, как меня пытаются оторвать от руки, и принялась отпиныватся. Олеся тоже активно работала ногами, не заботясь о том, куда попадает. Пару пинков досталось моим бедным ногам.

Мне было все равно, кто и куда меня тащит. Лишь бы не позволить ударить Олесю.

– Что это за свалка?!

Окрик заставил замереть нас всех. Только Олеся продолжала повизгивать, удерживаемая за волосы.

– Отпусти ее, – велел третий бритоголовый. Когда и откуда он появился, я не заметила. – Отпусти, сказал, – с угрозой повторил он, глядя на амбала. Тот нехотя разжал пальцы и выпустил загривок Олеси. Она отскочила на безопасное расстояние, потирая затылок.

Все остальные, как по команде, тоже выпустили друг друга.

– Че за возня, идиоты? – спросил третий, усаживаясь на диван.

– Да все эта, – первый амбал кивнул на Олесю. – Тварь!

– Сам, долбаный придурок, – огрызнулась она.

Я, наконец-то, почувствовала способность думать и разговаривать.

– Кто-нибудь объяснит, что здесь происходит? – задала вопрос третьему бритоголовому, сообразив, что он тут главный.

– Объяснять тебе, крошка, никто и ничего не собирается, – противно ухмыльнувшись, показывая золотую фистулу, ответил он. – А вот предупредить намереваемся. Сваливайте отсюда. Даем три дня срока. Не уложитесь, пеняйте на себя. Стасика больше сдерживать не буду, – кивнул он на первого амбала. – Ровно через три дня не уберетесь, разговор другой будет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/volgina_nadezhda/moy-prizrachnyy-ray

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить